

ФРАНСИС КАРСАК

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

Рисунки Н. ГРИШИНА

ПРОЛОГ

Я не собираюсь описывать здесь историю катастрофы или завоевания Теллуса. Мне просто хочется рассказать о своей жизни. Пройдет пять-шесть столетий, и тогда моя книга будет ценным документом, ибо это рассказ свидетеля, который собственными глазами видел Великое Начало.

В те дни мне шел всего двадцать третий год — целых шестьдесят лет пронеслось с тех пор, как стремительный

Некоторые главы из этого фантастического романа были напечатаны в одном из номеров журнала «Вокруг света». В «Искателе» роман будет публиковаться в трех номерах с небольшими сокращениями.

поток. Я знаю, что стал ниже ростом, движения мои утра- тили былую четкость, я быстро устаю, и меня уже мало что интересует в жизни, разве только дети, внуки да, по- жалуй, еще геология. Руки мои слишком дрожат, чтобы писать, а потому я диктую своему внуку Пьеру, диктую повесть о единственной, неповторимой человеческой судьбе. Я тороплюсь. Лишь временами я останавливаюсь пере- дохнуть и подхожу к окну; за ним колышется на ветру пшеница. На какой-то миг мне кажется, будто я снова у се- бя на родной Земле, но потом я приглядываюсь и вижу, что деревья отбрасывают две тени...

I. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

В то лето мы с моим братом Полем решили провести отпуск в Альпах, у нашего дяди Пьера Бурна, директора нсвой обсерватории. Гигантское зеркало ее телескопа диа- метром в пять с половиной метров позволяло отныне фран- цузским астрономам соперничать с американскими колле- гами. Вместе с дядей работал его помощник Робэр Менар, поразительно скромный, несмотря на свои огромные зна- ния, сорокалетний холостяк, и два дядиных ученика—Ми- шель и Мартина Соваж.

Мы с братом сели в поезд вечером и уже на следующий день часа в четыре пополудни прибыли на место. Нас ожи- дали: высокий блондин стоял возле автомашины и махал нам рукой. Он представился:

— Мишель Соваж. Ваш дядя извиняется, что не смог вас встретить, но у него важная и срочная работа.

Машина резко набирала скорость.

— Что-нибудь новое среди звездных туманностей? — спросил мой брат.

— Скорее уж во всей вселенной. Вчера вечером я хотел сфотографировать туманность Андромеды — там есть одна недавно открытая звезда. Расчет был сделан, я включил автоматику большого телескопа, но, к счастью, из любопыт- ства заглянул в «искатель», маленькую подзорную трубу, укрепленную параллельно с большим объективом. И что бы вы думали — туманность Андромеды оказалась на во- семнадцать градусов в стороне от своего нормального по- ложения! Я ее еле отыскал...

— Как странно! — живо откликнулся я. — Вчера перед отъездом астронавт Верилак говорил мне...

— Значит, он вернулся? — перебил Мишель.

— Да, с Непгуна. Так вот, он говорил, что либо они ошиблись в расчетах, либо что-то отклонило ракету на об- ратном пути.

Мы болтали, а машина быстро мчалась по долине. Ряд- ом с шоссе бежала железная дорога.

— Что, поезд идет теперь до самой деревни?

— Нет, эту линию проложили недавно к заводу легких металлов.

— Завод большой?

— Пока здесь триста пятьдесят рабочих. Должно быть по крайней мере вдвое больше.

Начался серпантин: дорога поднималась к обсерватории, которая стояла на вершине невысокой горы. У ее подножия приотлилась высокогорная долина с маленькой прелестной деревушкой. Чуть выше деревни виднелся поселок из стандартных домиков, сгрудившихся вокруг завода. Вдаль за гребни гор уходила линия высокого напряжения.

— Ток подают заводу, — объяснил Мишель. — Для него и построили плотину. Мы получаем электричество от этой же линии.

Возле самой обсерватории расположились дома, где жили мой дядя и его помощники.

— Сегодня вечером за столом соберется большая компания: ваш дядя, Менар, вы двое, мы с сестрой, биолог Вандаль...

— Вандаль? Я же его знаю с самого детства! Он старый друг нашей семьи, мой учитель.

— А с ним его коллега из Медицинской академии, знаменитый хирург Массакр.

— Ничего себе имечко для хирурга! — сострил мой брат Поль. — Массакр. «Убийство»! Не хотел бы я у него оперироваться... Бр-р-р!

— И напрасно. Он лучший хирург Франции, а может быть, и всей Европы. Кстати, кроме Массакра, будет один его друг и одновременно ученик, антрополог Бреффор.

— Тот самый, что занимается патагонцами?

— Да. Так что, хоть дом и велик, все комнаты заняты.

Едва машина остановилась, я побежал в обсерваторию и постучался в кабинет дяди.

— Кто там?! — рявкнул он, но, увидев меня, смягчился. — Ах, это ты! Ну, подойди, подойди...

Он поднялся из кресла во весь свой гигантский рост. Таким я вижу его и сейчас: седая шевелюра, седые брови, из-под которых сверкают горящие как угли глаза, и матово-черная борода.

— Добрый день! — скромно послышалось из угла.

Я обернулся: худенький Менар стоял за своим столом, заваленным листками с алгебраическими формулами. Это был щуплый человечек в очках, с козлиной бороденкой и огромным морщинистым лбом. Под столь незначительной внешностью скрывался человек, свободно владеющий дюжиной языков, самые дерзкие теории физики и математики были ему так же ясны, как мне геологические горизонты в окрестностях Бордо. С этой точки зрения мой дядя, превосходный исследователь и экспериментатор, не годился Менару в подметки. Зато вдвоем они составляли могучую пару в области астрономии и атомной физики.

Стрекот машинки заставил меня обернуться к другому углу.

— И впрямь надо тебя представить, — проговорил дядя. — Мадемуазель, познакомьтесь: мой племянник Жан, шалопаи, неспособный проверить цифры даже в ресторанном счете. Жан, это наша ассистентка Мартина Соваж.

— Как доехали? — спросила девушка, протягивая мне руку. Я пожал ее, не успев как следует прийти в себя. В моем представлении ассистентка дяди была этакой скромной лабораторной крысой в очках, а передо мной стояла юная красавица с телом греческой статуи и таким правильным лицом, что можно было прийти в отчаяние, настолько черты его казались совершенными. Впрочем, лоб, пожалуй, был чуть низковат, но зато под ним сияли великолепные серо-зеленые глаза, и его обрамляли длинные пряди на удивление черных волос — ведь брат ее был блондином. Про нее нельзя было сказать, что она красива. Нет, она была прекрасна, прекраснее всех женщин, каких мне только доводилось видеть.

Рукопожатие ее было дружеским и коротким. Мартина сразу же вернулась к своим расчетам.

— Я вижу, ты тоже убит, — насмешливо прошептал дядя, увлекая меня в сторону. — Мартина разит без промаха; по-видимому, контраст с обстановкой усиливает эффект. А сейчас, извини, мне надо закончить до вечера работу, чтобы подготовиться к ночным наблюдениям. Встретимся за обедом, в семь тридцать.

— А это очень важно, твоя работа? — спросил я. — Мишель мне говорил о каких-то странных явлениях...

— Странных! Эти явления опрокидывают всю нашу науку! Подумай только: туманность Андромеды отклонилась на восемнадцать градусов от своего нормального положения! Одно из двух: либо туманность действительно сдвинулась, но тогда она должна была развить скорость физически немыслимую, потому что еще позавчера она была на своем месте, либо, как думаю я и мои коллеги из обсерватории Мон Паломар, свет туманности отклонился из-за какого-то феномена, которого позавчера не существовало. И не только ее свет — лучи всех звезд, расплосженных в том же направлении, свет Нептуна и, может быть, даже... Из всех гипотез наименее глупой кажется следующая: ты, должно быть, знаешь, — впрочем, наоборот, — ты, конечно, не знаешь, что мощное поле тяготения способно отклонить луч света. Сейчас все происходит так, как если бы между Землей и Андромедой в солнечной системе появилась огромная масса материи. Но она невидима, эта масса! Немыслимо, глупо, но все-таки это так.

Я вернулся в дом дяди, где уже собирались приглашенные к обеду.

В семь двадцать появился хозяин дома со своей свитой. В семь тридцать мы сели за стол.

Обед прошел весело, если не считать озабоченных лиц моего дяди и Менара. Что же до меня, то я был целиком поглощен Мартиной.

В тот вечер мне недолго пришлось наслаждаться ее обществом. В восемь пятнадцать дядя встал из-за стола и кивнул Мартине; вместе с Менаром они вышли из дома, и я увидел через окно, как три фигурки поднимаются к обсерватории.

II. КАТАСТРОФА

Кофе мы вышли пить на террасу. Мишель жаловался на всеобщее пренебрежение к астрономическому изучению планет с тех пор, как астронавты начали изучать их, как он выразился, «на местах». Спускалась ночь. Над горами висела половина луны, мерцали звезды.

С темнотою пришла прохлада, и мы вернулись в гостиную. Свет зажигать не стали. Я сел напротив Мишеля лицом к окну. Малейшие подробности этого вечера сохранились в моей памяти с удивительной ясностью, хотя с тех пор прошло столько лет! Я видел купол обсерватории; маленькие башенки с вспомогательными телескопами четко вырисовывались на фоне вечернего неба. Общий разговор угас, все неторопливо беседовали парами. Я говорил с Мишелем. Не знаю почему, я чувствовал себя легко и счастливо. Казалось, я ничего не вешу и не сижу, а парю над своим креслом.

В обсерватории осветилось одно окошко, погасло и снова осветилось.

— Патрон зовет, — проговорил Мишель. — Придется идти.

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов.

— Сколько времени? — спросил я.

— Одиннадцать тридцать шесть.

Он встал, и это простое движение отбросило его к стене, расположенной в добрых трех метрах. Мишель был поражен. Мы тоже.

— Черт!.. Я потерял всякий вес!

Я поднялся и, несмотря на все предосторожности, врезался головой прямо в стену.

— Хорошенькое дело!

Удивленные возгласы слышались со всех сторон. Несколько минут мы носились по гостиной как пылинки, подхваченные ветром. Все было во власти странного токсического чувства какой-то внутренней пустоты и головокружения. Трудно было понять, где теперь верх, где низ. Цепляясь за мебель, я кое-как добрался до окна. Мне показалось, что я сошел с ума.

Звезды отплясывали бешеную сарабанду, как пляшет их отражение во взбаламученной воде потока. Они мерцали, разгорались, угасали и снова вспыхивали, резко перемещаясь с места на место.

— Смотрите! — крикнул я.

— Конец света, — простонал Массакр.

От звездной пляски рябило в глазах; я перевел взгляд ниже и снова вскрикнул:

— Черт! Смотрите!

Вершины гор исчезали одна за другой. Ближайшие пики еще стояли, но самые дальние слева были срезаны ровнее, чем головки сыра ножом.

— Сестра! — хрипло вскрикнул Мишель и бросился к двери. Я видел, как он мчался по дорожке к обсерватории нелепыми длинными скачками метров по десять каж-

дый. Ни о чем не думая, не испытывая ничего, даже страха, я машинально отмечал все происходящее.

Казалось, к нам приближается, опускаясь сверху, огромное незримое лезвие, выше которого все исчезало. Наверное, это продолжалось секунд двадцать. Я слышал вокруг приглушенные возгласы гостей. Я видел, как Мишель ворвался в обсерваторию. И вдруг она тоже исчезла. В следующее мгновение катастрофа обрушилась на нас...

Дом задрожал. Я вцепился в какой-то стол. Окно вылетело, словно вышибленное изнутри гигантским коленом.

Чудовищный вихрь вышвырнул меня вместе с остальными наружу, и мы покатались вниз по склону, цепляясь за кусты и камни, ослепленные, оглушенные, задыхающиеся.

Все кончилось через несколько секунд. Я опомнился метрах в пятистах от дома среди обломков дерева и осколков стекол и черепицы. Обсерватория снова появилась, и, по-видимому, в полной сохранности. Было сумрачно; странный красноватый свет лился сверху. Я поднял глаза и увидел солнце, маленькое, медно-красное, далекое. В ушах у меня гудело, левое колено вспухло, глаза застило кровавой пеленой. Воздух казался пропитанным неприятным чужим запахом.

Первая моя мысль была о брате. Он лежал на спине в нескольких метрах от меня. Я бросился к нему, с удивлением ощущая, что снова обрел вес. Глаза Поля были закрыты, из правой икры, глубоко разрезанной осколком стекла, лилась кровь. Пока я перетягивал ему ногу жгутом, свернутым из носового платка, брат пришел в себя.

— Мы еще живы?

— Да, ты ранен, но не опасно. Я сейчас посмотрю, что с остальными.

Вандаль уже поднимался, Массакр вообще отделался подбитым глазом.

С Бреффором дело оказалось серьезнее: он лежал без сознания с пробитым черепом.

— Его надо срочно оперировать, — заторопился хирург. — В доме вашего дяди у меня есть все, что нужно.

Я взглянул на дом: он довольно успешно выдержал испытание. Часть крыши была снесена, окна выбиты, ставни сорваны, но остальное как будто уцелело. Мы перенесли Бреффора и Поля в дом. Внутри все было перевернуто вверх дном, и содержимое шкафов валялось на полу. Кое-как мы поставили на место большой стол и уложили на него Бреффора. Вандаль взялся помогать Массакру. Только тогда я вспомнил, наконец, о своем дяде.

— Схожу посмотрю, — проговорил я и, прихрамывая, побрел к обсерватории. Я поднялся по лестнице — под куполом возле большого телескопа не было ни души. Тогда я бросился в кабинет. Здесь взъерошенный Менар возился со своими очками.

— Где дядя? — крикнул я.

— Не знаю, — ответил он, продолжая протирать очки платком. — Когда это произошло, они хотели выйти...

Я поспешил наружу и принялся кричать:

— Дядя! Мишель! Мартина!

Кто-то откликнулся. Обогнув завал камней, я увидел дядю, который сидел, привалившись спиной к обломку скалы. Мартина была рядом.

— У него вывихнута лодыжка, — пояснила она.

— А где Мишель?

— Пошел за водой к ручью.

— Что скажете, дядя? — спросил я.

— А что я могу сказать, если сам ничего не знаю! Как там остальные?

Я рассказал, что с нами произошло.

— Нужно спуститься в деревню, посмотреть, что с жителями.

— К сожалению, солнце уже садится.

— Садится? Наоборот, оно встает!

— Солнце заходит, дядя. Только что оно стояло гораздо выше.

— А, так ты говоришь об этом маленьком, жалком медном фонарике? Оглянись-ка лучше назад!

Я обернулся; там над изуродованными вершинами вставало сияющее голубое светило. Глаза не обманывали меня: в этом мире было два солнца.

Часы на моей руке показывали десять минут первого.

III. СРЕДИ РАЗВАЛИН

Как ни странно было происходящее, я все время инстинктивно старался привести его к привычным земным нормам — ураган, извержение вулкана. И вдруг передо мной предстал немыслимый, безумный, однако реальный факт: я очутился в мире, где было два солнца. Нет, я не в силах передать охватившее меня смятение. Тщетно пытался я спорить против очевидной истины:

— Но ведь мы остались на Земле! Смотри, вот гора, обсерватория, а там внизу деревня...

— Я, конечно, тоже сижу на земле, — ответил дядя, — но насколько я смыслю в астрономии, в нашей системе только одно Солнце, а здесь их два. А я не такой уж осел, чтобы не понимать значения этого факта.

Из-за поворота показался Мишель и вместе с ним два незнакомца: первый — брюнет лет тридцати, второй — лет на десять постарше, огненно-рыжий. Мишель церемонно представил обоих — в тех обстоятельствах это выглядело довольно смешно.

— Симон Бёвэн, инженер-электрик, и Жак Этранж, металлург, директор завода.

— Мы хотели узнать, что с вами, — объяснил Этранж. — Сначала мы побывали в деревне. Там уже работают спасательные команды; мы послали им на помощь своих рабочих. По первым сведениям, в деревне пятьдесят раненых.

— А у вас на заводе? — спросил дядя.

— Ущерб невелик, — ответил Бёвэн. — Вы же знаете, стандартные дома легкие и монолитные. На самом заводе сдвинулось несколько станков.

— У нас есть хирург, мы пошлем его в деревню.

Дядя повернулся к нам с Мишелем.

— Вы двое, помогите-ка мне! Пойдемте с нами, друзья!

Когда мы добрались до дома, я убедился, что Вандаль и Массакр поработали здесь на совесть. Все снова было приведено в порядок. Мой брат и Бреффор лежали в постелях. Массакр собирал свой докторский чемоданчик.

— Пойду вниз, — сказал он. — Говорят, там много раненых.

— Я тоже спущусь в деревню.

— Иди, иди, — согласился дядя. — Мартина, Мишель, Вандаль тоже могут отправляться. Мы с Менаром посторожим здесь.

И мы отправились.

Главная улица деревни была наполовину завалена обломками домов. Зато поперечные переулки почти все уцелели. Больше всего пострадала центральная площадь; церковь и мэрия превратились в груды развалин. Когда мы подошли из-под обломков извлекали труп мэра. Среди спасателей я заметил одну группу, которая действовала особенно быстро и слаженно. От нее тут же отделился какой-то молодой человек и подошел к нам.

— Наконец-то подкрепление! — крикнул он обрадованно. — Подоспели вовремя!

— Где раненые? — спросил Массакр.

— В зале для танцев. Вы доктор?

— Я хирург.

— Какая удача! Эй, Жак-Пьер, проводи доктора в перевязочную!

— Я пойду с вами, — сказала Мартина. — Буду помогать.

Мы с Мишелем присоединились к группе, разбиравшей завалы. Молодой человек горячо поспорил о чем-то с инженерами, потом вернулся к нам.

— Нелегко же было их убедить, что сейчас самое главное — дать воду и, если можно, электричество. Они тоже хотели заняться расчисткой! Когда же они будут пользоваться своими знаниями, если не сейчас? Кстати, какие у вас профессии?

— Геолог.

— Астроном.

— Ладно, пригодится потом. Сейчас есть работа поважнее. За дело!

— Потом? Что вы хотите этим сказать?

— Я думаю, вы уже знаете, что мы не на Земле. Не надо быть академиком, чтобы догадаться. И все-таки странно! Еще вчера инженеры давали мне указания, а сегодня я назначаю работу инженерам.

— А сами-то вы кто? — спросил Мишель.

— Луи Морьер, цеховой мастер с завода.

Продолжая разговор, мы приступили к разборке обвалившегося дома. К нам присоединились еще двое рабочих.

— Тише! — сказал вдруг Мишель.

Из-под груды развалин доносились слабые крики о помощи.

— Скажите-ка, Пьер, — обратился Луи к одному из рабочих, — кто тут жил?

— Мамаша Феррье с дочкой. Девчонка была хороша, лет шестнадцати. Погоди! Я как-то к ним заходил. Вот здесь была кухня. А они, должно быть, в комнате, вон там!

Он показал на угол с наполовину завалившейся стеной. Мишель нагнулся и крикнул в расщелину:

— Держитесь! Идем к вам на помощь!

Все напряженно прислушивались. Наконец девичий голос, полный муки, ответил:

— Скорее! Скорее...

Быстро, но методично мы начали рыть в обломках тоннель.

Прошло полчаса. Стены внизу смолкли. Тогда мы пошли на риск, ускорили работу и успели вовремя извлечь из-под развалин Розу Феррье. Мать ее была мертва.

Об этом эпизоде спасательных работ я рассказываю подробно лишь потому, что позднее Роза, сама того не желая, сыграла роль Елены Спартанской и послужила причиной первой войны на Теллусе.

Всю вторую половину дня мы работали не покладая рук. Вечером, когда голубое солнце закатилось за горизонт, а на востоке поднялось маленькое красное солнце, под развалинами не осталось ни одного раненого. Число их достигло восьмидесяти одного. Погибших было двадцать один.

Вокруг колодца, теперь иссякшего, раскинулся пестрый табор. Люди, лишённые крова, укрывались под одеялами, растянутыми на шестах. Одну такую палатку Луи соорудил для рабочих своей спасательной команды. Мы сели перед нею и поужинали холодным мясом с хлебом, запивая еду розовым вином, — в жизни я не пил ничего вкуснее! Потом я дошел до перевязочной, надеясь увидеться с Мартиной, но она уже спала. Массакр был доволен: опасных случаев оказалось немного. Сюда же по его указанию перенесли на носилках Бреффора и моего брата. Оба чувствовали себя гораздо лучше.

— Извините меня, — сказал хирург, — я просто валяюсь от усталости, а завтра у меня довольно сложная операция.

Я вернулся к палатке, улегся на ложе из толстого слоя соломы и мгновенно уснул.

Разбудил меня шум мотора. Была еще «ночь», то есть тот самый пурпурный сумрак, который теперь называют «красной ночью». Автомобиль остановился за разрушенным домом. Я обошел руины и увидел своего дядю: он приехал вместе с Вандалем узнать, как идут дела.

— Что нового? — спросил я.

— Ничего. Электричества нет, купол обсерватории неподвижен. Я был на заводе. Этранж говорит, что тока не будет еще долго. Плотина осталась на Земле. Кстати могу сказать, что наша планета делает один оборот вокруг собственной оси за двадцать девять часов и что ось ее очень немного наклонена по отношению к плоскости орбиты.

— Откуда ты это знаешь?

— Очень просто. Голубой день длился четырнадцать часов тридцать минут. Красное солнце дошло до зенита за семь часов пятнадцать минут. Значит, сутки продолжаются двадцать девять часов. Далее: день и «ночь» равны, а мы, по всей видимости, находимся далеко от экватора,

скорее всего на сорок пятом градусе северной широты. Отсюда вывод — ось планеты имеет весьма незначительный наклон, разумеется, если только мы не попали в период равноденствия. Красное солнце находится за пределами нашей орбиты и, по-видимому, так же как мы, вращается вокруг голубого солнца. Мы перенеслись сюда в тот момент, когда оба солнца противостоят планете. Позднее следует ожидать дней, когда нам будут светить сразу два солнца, а иногда не будет ни одного. Наступят черные ночи, или, вернее, лунные.

— Лунные? Разве здесь есть луна?

— Взгляни сам!

Я поднял глаза. В розовом небе бледно мерцали две луны: одна примерно такая же, как у нас на Земле, другая значительно больше.

— Только что их было три, — продолжал дядя. — Самая маленькая луна уже зашла.

— Сколько еще продлится эта «ночь»?

— Около часа. На завод заходили крестьяне с окрестных ферм. Там жертв немного. Но зато дальше...

— Надо съездить туда, посмотреть самим, — перебил я. — Я возьму твою машину, и мы отправимся с Мишелем и Морьером. Надо же узнать, как далеко простирается наша территория.

— Тогда я поеду с вами.

— Нет, дядюшка, у тебя вывихнута нога. Мы можем застрять: придется идти пешком. Сейчас мы совершим совсем короткий рейд. А позднее...

— Хорошо. Тогда помоги мне выйти и доведи меня до вашего госпиталя. Вы идете со мной, Вандаль?

— Мне бы хотелось отправиться в эту разведку, — ответил биолог. — Я думаю, что участок земной поверхности невелик и мы сможем его объехать кругом. Не правда ли?

— Да, если только дороги будут проезжими. Что же, оставайтесь с нами.

Я разбудил Мишеля и Луи.

— Ладно, поедем, — сказал Морьер. — Только сначала я хочу поговорить с вашим дядей. Послушайте, месье Бурна, займитесь, пока мы ездим, учетом. Надо подсчитать жителей, запасы продовольствия, оружия, инструментов и прочего. После смерти мэра вы здесь самый уважаемый человек. Вы в хороших отношениях и с кюре и с учителем. Единственный, кто вас, пожалуй, недолюбливает, это трактирщик Жюль, потому что вы никогда к нему не заходите. Но им займусь я, он у меня будет шелковый. Разумеется, закончить вы не успеете, мы вернемся гораздо раньше.

Все заняли места в открытом автомобиле устаревшей модели, но зато вполне надежном. Я взялся за руль, и тут дядя окликнул меня:

— Постой! Возьми-ка то, что лежит в ящике спереди.

Я открыл ящик и вынул оттуда пистолет военного образца 45-го калибра.

— Дельная мысль! — одобрил Луи. — А другого оружия у вас нет?

— У меня нет, но в деревне, я думаю, найдутся охотничьи ружья.

— Правильно! Заедем к папаше Борю. Когда-то он был унтер-офицером в колониальных войсках, а теперь заядлый охотник.

Мы разбудили старика и, несмотря на его протесты, реквизировали почти весь его арсенал: один винчестер, два охотничьих ружья и патроны, заряженные картечью. Солнце уже вставало, когда мы двинулись в путь, на восток.

Сначала ехали по дороге; местами она была перерезана осыпями. Один завал задержал нас на целый час. Через три часа после отъезда началась зона сплошного хаоса: впереди, насколько хватает глаз, громоздились обвалившиеся горы и огромные кучи земли, камней, деревьев и — увы! — остатков домов.

— Наверное, край земли уже близок, — проговорил Мишель. — Дальше пойдем пешком.

Захватив оружие и немного еды, мы углубились в опустошенную зону, оставив автомобиль без охраны.

Луи с Вандалом шли впереди. Они взобрались по склону, достигли гребня, и оттуда послышались их изумленные голоса. Мы с Мишелем поспешили за ними.

До самого горизонта, насколько можно было различить, перед нами лежало огромное болото с маслянистой водой, поросшее жесткой сероватой травой, словно припорошенной пылью. Пейзаж был мрачный и грандиозный. Вандаль внимательно рассматривал его в бинокль.

— Там горы! — сказал он.

Земная зона вдавалась в болото высоким мысом. Мы осторожно спустились к воде. Она оказалась довольно прозрачной и глубокой, на вкус была солоноватая.

— Все пусто, — заметил Вандаль. — Ни рыбы, ни птиц.

— Взгляни туда! — проговорил Мишель, указывая на тинистую отмель чуть поодаль. Там лежало какое-то зеленоватое существо длиной около метра. С одного конца его можно было различить ротовое отверстие, окруженное шестью мягкими щупальцами; у основания каждого тускло светился неподвижный серо-зеленый глаз. На другом конце был мощный хвост, или горизонтальный плавник.

Прежде чем вернуться к машине, мы еще раз оглянулись на бескрайние болота и тут впервые после нашего прибытия в этот мир увидели высоко в небе облачко. Оно было зеленоватого цвета. Лишь позднее нам суждено было узнать его зловещее значение.

Когда мы вернулись, автомашина стояла с зажженными фарами.

— Свет был выключен, я точно помню! — воскликнул я. — Кто-то побывал в машине!

Однако вокруг на пыльной земле были отпечатки только наших ног. Я повернул рычажок, чтобы выключить фары, и

вскрикнул: рукоятка была вымазана чем-то холодным и клейким, как слизь улитки.

Мы доехали до развилки дорог и повернули на север. Довольно скоро горные обвалы преградили нам путь.

— Лучше вернуться в деревню и ехать по дороге к каменному карьеру, — предложил Луи. — Здесь мы слишком близко от мертвой зоны.

Я последовал его совету. В деревне мы увидели дядю: вытянув перевязанную ногу, он сидел в кресле и разговаривал с кюре и учителем. Мы сказали ему, чтобы нас не ждали раньше завтрашнего дня, и поспешили прямо на север. Дорога сначала взбиралась на невысокий перевал, потом сбегала в вытянувшуюся неширокую долину. Редкие фермы здесь почти не пострадали: крестьяне выгоняли скот и перекинулись за работой, словно ничего и не произошло. Еще через несколько километров обвалы снова преградили нам путь. Но здесь полоса разрушений была уже и среди хаоса возвышалась уцелевшая гора. Мы взобрались на нее и смогли осмотреть местность сверху. Здесь тоже вокруг земли простирались одни болота.

Уже наступали красные сумерки, все были измучены карабканьем по обвалам и потому решили заночевать на ближайшей ферме. Шесть часов проспали мы как убитые, а затем двинулись на запад. На сей раз перед нами открылись не болота, а пустынное море. Тогда мы повернули на юг.

Машина прошла уже километров двенадцать, но мертвая зона была еще далеко. Дорога каким-то чудом уцелела среди обвалов, что намного облегчило продвижение. Ехать, однако, приходилось медленно, потому что обломки скал местами загромождали часть шоссе. Внезапно за поворотом перед нами возник совершенно нетронутый уголок — небольшая долина с пастбищами и рощами. Посредине ее сверкало озеро — осыпи запрудили горную речушку, и она разлилась. На пологом склоне стоял маленький замок, к которому вела тенистая аллея. Мы въехали в нее. У входа я заметил табличку: «Частная собственность. Въезд воспрещен!»

— В нашем положении, думаю, можно пренебречь, — пробормотал Мишель.

Едва мы успели развернуться перед замком, как на террасе появились две девушки и молодой человек. Он был высок, темноволос и, пожалуй, неплох собой, но сейчас его лицо было искажено гримасой злобного недоумения. Одна девушка, тоже довольно хорошенькая, явно приходилась ему сестрой. Другая, та, что постарше, была слишком яркой блондинкой, чтобы ее можно было принять за естественную. Молодой человек быстро сбежал по ступеням.

— Вы что, читать не умеете?

— Полагаю, — начал Вандаль, — что при данных обстоятельствах...

— Какие еще могут быть обстоятельства? Убирайтесь

немедленно! — заорал он. —
Иначе я прикажу вышвыр-
нуть вас отсюда вместе с ва-
шей таратайкой!

— Мы уедем и сами, —
сказал Вандаль. — Но по-
звольте вам сказать, что мы
теперь на другой планете,
где все ваши деньги вряд
ли чего-нибудь стоят...

— Что здесь происходит?

На террасу вышел пожи-
лой широкоплечий мужчина
в сопровождении дюжины
здоровенных и довольно не-
симпатичных парней.

— Вы говорили о другой
планете, — обратился хозя-
ин замка к Вандалю. —
Как вас понять?

Вандаль объяснил.

— Значит, мы уже не на Земле? Интересно, интересно... И планета девственная?

— Пока что мы видели только болота с двух сторон, а с третьей — море. Остается разведать, что находится с четвертой стороны, если только ваш сын нам позволит.

— Шарль молод, и он не знал, что произошло. Мы тут ничего не понимали. Сначала я думал, что это землетрясение, но когда я увидел два солнца и три луны... Благодарю вас, теперь мне все ясно. Надеюсь, вы с нами выпьете по рюмке?

— Спасибо. К сожалению, у нас нет времени.

— В таком случае не настаиваю. Завтра я к вам заеду узнать результаты вашей разведки.

И мы тронулись дальше.

— Видали рожи? — спросил Луи. — Знаете, кто это? Хоннегеры, швейцарцы, как они говорят. Папа миллионер, нажился на торговле оружием. А сынок еще хуже папаша. Воображает, что все девушки без ума от него и его денег!

— Что это за шикарная блондинка с ними?

— Маделина Дюшер, — ответил Мишель. — Киноактриса. Знаменита не столько своей игрой, сколько скандальными похождениями. Ее фото были во всех газетах.

— А дюжина типов с физиономиями висьельников?

— Должно быть, подручные для обдѣлывания их грязных делишек, — сказал Луи.

— Боюсь, эти люди причинят нам еще немало хлопот, — задумчиво проговорил Вандаль.

Снова началась зона опустошения. Четыре часа пробирались мы через нее пешком, но зато на сей раз, к нашему величайшему удовольствию, за нею оказалась твердая почва.

Мы собрали множество образцов растительности; здесь были тускло-зеленоватые травы с жесткими режущими стеблями без соцветий и многочисленные кустарники с удивительно прямыми стволиками и серой корой металлического отлива. Луи обнаружил также одного представителя местной фауны. Он походил на плоского слепого удава без позвоночника, длиной около трех метров. На «голове» у него были две большие заостренные клешни с каналами внутри; Вандаль сказал, что примерно такое же приспособление есть у личинок жука-плавунца. Вандаль очень хотел захватить нашу находку с собой, но, принюхавшись, мы обнаружили, что сухой была только кожа, а внутренности неведомого создания оказались в крайней стадии разложения. Поэтому пришлось удовлетвориться фотоснимками. Боясь, что в высокой траве скрываются живые и, наверное, опасные собратья этой твари, мы поспешно двинулись в обратный путь к деревне.

За нашей спиной до самого горизонта простиралась травянистая степь, и над нею тоже плыло вдали зеленое облако.

IV. ОДИНОЧЕСТВО

В деревне нас ожидали добрые вести: в колодцах снова появилась вода, правда чуть солоноватая, но, по заключению Вандаля, вполне пригодная для питья. Перепись шла полным ходом.

Согласно подсчетам, население деревни и окрестных ферм достигало 2 847 человек, из них 943 мужчины, 1 007 женщин и 897 детей в возрасте до шестнадцати лет. Скота, по-видимому, было много, особенно коров.

Выяснив все это, Луи сказал:

— Завтра утром надо созвать общее собрание.

Он нашел добровольного глашатая и вручил ему воззвание, написанное карандашом на клочке бумаги:

«Граждане и гражданки! Завтра утром на площади у колодца общее собрание. Астроном Бурна́ объяснит причины катастрофы. Луи Морьер и его товарищи расскажут о результатах разведки. Сбор через два часа после восхода голубого солнца. Нужно принять решения на будущее. Присутствие обязательно».

Я хорошо запомнил это первое собрание. Сначала слово взял Луи:

— Сейчас месье Бурна́ объяснит, насколько это возможно, что с нами случилось, но вперед я хочу сказать вам пару слов. Вы, должно быть, уже поняли, что мы больше не на Земле. Теперь, оказав помощь раненым, нам придется взяться за самое трудное. Прежде всего нужно организовать. Никакое человеческое общество не может жить без законов. У нас уцелела часть земли длиной примерно в тридцать километров и шириной в семнадцать. Но надо смотреть правде в глаза: только четверть этой площади пригодна для обработки, а все остальное — перевернутые горы. Я думаю, что земли нам хватит, чтобы прокормиться. Каждый сможет получить хоть по тысяче гектаров, потому что дальше вокруг нас — целая планета! Самое главное — это рабочая сила. Начиная с этого дня нам понадобится каждый человек и работать будут все. Нам неслыханно повезло: вместе с нами оказались инженеры и ученые. Но все равно мы должны смотреть на себя как на пионеров и проникнуться их суровым духом. Тот, кто вместо помощи соседу будет ему вредить, отныне преступник, и с такими мы будем поступать по заслугам. Хотим мы этого или нет, отныне это закон, и нам придется ему подчиняться или... всем передохнуть! После собрания я с добровольцами проведу перепись профессий. Те, кто пришел, дадут сведения о тех, кто отсутствует. Послезавтра общее собрание выберет депутатов, которые создадут правительство; обычными делами будет по-прежнему заниматься муниципальный совет. А теперь даю слово астроному Бурна́.

Мой дядя встал, опираясь на трость.

— Дорогие друзья! — сказал он. — Вы знаете, что беспрецедентная катастрофа, по-видимому, навсегда оторвала нас от старушки Земли и забросила в неведомый мир. Что это за мир? Пока я не знаю. По предварительным расче-

там, эта планета должна быть немногим больше Земли. Когда я узнаю что-нибудь новое об этом мире, который теперь стал нашим, я вам сообщу.

В общем собравшиеся приняли выступления хорошо. Крестьяне явно примирились с катастрофой — семьянины и домоседы, привязанные к своим полям, они по большей части сохранили все, что у них было, и остальным не очень-то интересовались.

Назавтра, в воскресенье, мы проснулись от колокольного звона. С помощью прихожан кюре извлек из-под развалин церкви колокола, подвесил их к большой ветке дуба и трезвонил всюду. Когда мы подоспели на площадь, кюре уже отслужил воскресную мессу под открытым небом. Славным человеком был наш кюре; позднее он доказал, что в его пухленьком теле жила героическая душа.

Я приблизился к нему.

— Поздравляю вас, монсеньер, ваши колокола напомнили нам о родной Земле.

— Монсеньер? — удивился добряк.

— Ну да, вы же теперь епископ. Впрочем, что я говорю, — для нас вы сам папа!

— Боже правый, об этом я не подумал! — бледнея, проормотал кюре. — Какая страшная ответственность...

— Ничего, справитесь!

Я оставил ошеломленного толстяка и направился в школу, где уже трудился Луи. Ему помогали учитель с женой и двое юношей.

— Как дела со списком?

— Продвигаются. Если кто-нибудь скрытничает, о нем всегда можно узнать у других. Вот предварительный подсчет: триста пятьдесят рабочих завода, пять мастеров, пять инженеров, четыре астронома, один геолог — это ты, хирург, врач, аптекарь, биолог, историк — твой брат, антрополог, ветеринар, два учителя, два каретника, три каменщика, плотник с подмастерьем, автовеломеханик, кюре, аббат, церковный служака, три содержателя кафе, булочник, два пекаря, три бакалейщика, два галантерейщика, кузнец с двумя молотобойцами, шесть рабочих каменоломни, два жандарма, часовщик, он же мастер по починке радиоприемников, портной с двумя учениками, две швеи, лесник, а остальные — крестьяне. Что касается папаша Борю, то он настоял, чтобы его записали как браконьера.

— Что с техникой?

— Легковых машин на ходу одиннадцать, да еще у твоего дяди, и стосильный автомобиль Мишеля, который берет слишком много бензина; тракторов три, один из них гусеничный, грузовиков восемнадцать, из них пятнадцать заводских, десять мотоциклов и около сотни велосипедов. К сожалению, осталось всего двенадцать тонн бензина и тринадцать тысяч шестьсот литров газа. Запасных шин тоже маловато.

На следующий день состоялись первые выборы. Никакой точной программы никто не выдвигал: собравшимся просто объявили, что они должны избрать комитет общественного

спасения из девяти человек. Проходит тот, кто набрал больше голосов; каждый избиратель должен подать список с девятью именами, и все.

Результаты выборов удивили всех. Первым — 987 головами из 1 302 присутствующих — прошел прежний заместитель мэра, богатый крестьянин Альфред Шарнье. Вторым — 900 голосами — был избран его дальний родственник, школьный учитель. Третьим — 830 головами — прошел кюре. Далее следовали Луи Морьер — 802 голоса, крестьянка Мария Прэль, бывшая муниципальная советница, всеми уважаемая за грамотность и годы, — 801 голос; мой дядя — 798 голосов, Этранж — 780 голосов; как ни странно, Мишель — 706 голосов, — оказалось, что он весьма популярен среди женской половины населения! — и, наконец, последним был я — 700 голосов. Лишь потом я узнал, что своим избранием обязан Луи, который провел за меня настоящую избирательную кампанию, убеждая людей, что только я смогу отыскать железо и столь необходимый уголь. Зато содержатель самого большого в деревне кабака получил всего 346 голосов и, к его великому огорчению, в совет не вошел.

Мы хотели избрать председателем Шарнье, ведь он получил большинство голосов, но он отказался, и в конечном счете эту должность по очереди занимали учитель и кюре. В тот же вечер Луи, поселившийся в одной комнате со мной и Мишелем, сказал нам:

— Теперь мы должны держаться вместе. Ваш дядя будет с нами, и на учителя, я думаю, тоже можно рассчитывать. Значит, нас будет в совете пятеро, то есть большинство. Нам придется отстаивать свою точку зрения, что будет не всегда легко. Но рабочие нас поддержат, инженеры, наверное, тоже, а может быть, и часть деревенских жителей. И дело здесь не в самолюбии! Я говорю так потому, что, на мой взгляд, только мы до конца понимаем, что именно нужно делать для спасения этого клочка земного мира.

— Выходит, ты хочешь установить диктатуру? — спросил Мишель.

— Диктатуру — нет, но сильное правительство — да.

— Не вижу особой разницы, — проговорил я. — Но думаю, что это действительно необходимо: сразу появятся недовольные.

— Кюре... — начал было Мишель, но Луи его прервал:

— Не обязательно! Кюре неглуп, а поскольку в религиозные дела мы не думаем вмешиваться... можно будет даже привлечь его на свою сторону. Крестьяне? Земли у них будет вдоволь — бери, сколько сможешь! А что касается коллективного хозяйства — промышленность и ремесло нам придется в какой-то степени обобществить, — то это новшество их пока не затронет. Нет, я думаю, что труднее всего придется, когда мы начнем ломать старые, привычные представления. Во всяком случае, сначала будет нелегко. Потом, через несколько поколений, встанут новые задачи, а сейчас нам надо выжить. И если мы нач-

нем со взаимной вражды или допустим анархию и беззаконие...

— Согласен, я с тобой.

— Я тоже, — сказал Мишель, — хотя, честное слово, в жизни не думал, что стану когда-нибудь членом дирекции!

Первое заседание совета было посвящено распределению «министерских портфелей».

— Начнем с народного просвещения, — сказал Мишель. — Я предлагаю избрать министром месье Бурна. Любой ценой мы обязаны сохранить наше научное наследие. Каждый из наших ученых должен выбрать себе среди школьников наиболее способных учеников и для начала передать им свои практические знания. Теорию будем преподавать потом, самым талантливым, если такие найдутся. Одновременно нужно будет написать учебники, чтобы пополнить библиотеку обсерватории и школы.

— Прекрасно! — согласился Луи. — Предлагаю министром промышленности назначить Этранжа, сельское хозяйство поручить Шарнье, а ты, Жан, будешь министром геологии — это очень важное дело. Месье юре будет нашим министром юстиции, а учитель — министром финансов: он на досуге изучал политическую экономию. Нам придется выпускать деньги, чтобы было какое-то средство обмена.

— А я? — спросил Мишель.

— Ты организуешь полицию.

— Чтобы я стал полицейским?!

— Да. Дел у тебя будет много, и самых трудных: опици, реквизиции, поддержание порядка и прочее. Тебя уважают, это тебе поможет.

— Ну, в таком случае я скоро растеряю все симпатии! А какой пост займешь ты?

— Погоди. Мария Прэль будет министром здравоохранения; ей помогут доктор Массакр и доктор Жюльен. А я, если вы не против, займусь армией.

— Армией? Может быть, заодно и флотом?

— Может быть. Кто знает, что ждет нас на этой планете! К тому же я буду весьма удивлен, если тот мрачный субъект из замка вскоре не даст о себе знать.

Луи как в воду смотрел! На другой день на всех стенах появились листовки, напечатанные типографским способом. Текст их гласил:

«Крестьяне и горожане! Так называемый «Комитет общественного спасения» захватил власть, прикрываясь видимостью демократии. Кто входит в этот комитет? Из девяти членов только четыре местных жителя! Рабочий, три ученые крысы, инженер, учитель — вот уже шесть голосов против трех крестьян и месье юре, которого против воли втянули в эту грязную историю. Что все эти люди понимают в ваших законных требованиях? Только я, крупный

земледелец, могу их понять. Примыкайте к моей партии! Разгоните клику самозванцев! Идите к моему замку в Долине!

Подписано Жоашем Хоннегер».

Луи усмехнулся:

— Ну, что я вам говорил? Вот видите! Придется принять меры.

Первой такой мерой стала немедленная конфискация всего оружия, которое затем роздали наиболее надежным добровольцам. Их набралось пятьдесят человек; командиром милиции стал лейтенант запаса Симон Бёвэн. Этот зародыш армии, несмотря на самое пестрое вооружение, был уже значительной силой.

К тому времени окончательно выяснилось, что мы на планете одни. Инженерам с помощью Мишеля и моего дяди удалось собрать достаточно мощный передатчик. В память о Земле мы дали нашему новому миру латинское имя родной планеты — Теллус. Самую большую луну мы назвали Феб, среднюю — Селена, маленькую — Артемида. Голубое солнце получило имя Гелиос, а красное — Соль. Все эти имена прижились и сохранились до сих пор.

С понятным волнением Симон Бёвэн отправил в эфир первые позывные. Мы вели передачи пятнадцать дней, пробовали волны разной длины, но не получили никакого ответа. Эфир безмолвствовал. Угля было мало, поэтому дальнейшие передачи мы вели только раз в неделю. И с тем же успехом. Нужно было смотреть истине в глаза: мы были обречены на одиночество. На Теллусе, кроме нас, не оказалось людей, разве что какие-нибудь маленькие группки без приемников и передатчиков.

V. ГИДРЫ

Если не считать появления новых листовок примерно такого же содержания, Хоннегер нас больше не беспокоил. Поймать расклейщиков тоже пока не удавалось. Но вскоре владеец замка напомнил о своем существовании.

Вы помните Розу Феррье, ту девушку, которую мы вытащили из-под развалин в первый день после катастрофы? Она была самой красивой девушкой деревни. Учитель предупредил нас, что до катастрофы за ней усиленно приударял Шарль Хоннегер. И вот однажды — была красная ночь — мы проснулись от выстрелов. Мишель и я мгновенно вскочили, однако Луи оказался еще проворнее, и все трое мы выбежали на улицу. Навстречу нам из багрового полумрака выскакивали обезумевшие люди. С револьверами в руках мы бросились к месту перестрелки. Там уже действовал ночной патруль: раздавались выстрелы охотничьих ружей и сухой треск винчестера папаши Борю, который вступил в нашу армию в прежнем чине сержанта. Взметнулись языки пламени, освещая улицу: один дом горел. Перестрелка была беспорядочной, суматошной. Едва мы высунулись на площадь,

как пули засвистели над нашими головами, послышались автоматные очереди: у нападающих были автоматы! Ползком добрались мы до папаши Борю.

— Одного снял, — сообщил он нам с гордостью. — Прямо напавал, как дикую козу в старое доброе время!

Прозвучало еще несколько выстрелов, потом отчаянный женский голос:

— Помогите! Ко мне! Помогите!..

— Это Роза Феррье, — сказал Луи. — Хоннегер ее похищает, подлец!

Автоматная очередь заставила нас пригнуться. Крики затихали вдали. Где-то в темноте заработал мотор автомашины.

— Ну погоди, свинья! — крикнул Мишель.

Ему ответил ехидный смех, потом шум мотора удалился. Возле горящего дома осталось несколько убитых и один раненый, который пытался уползти в сторону. Мы не верили своим глазам — это был деревенский портной! Картечь пробила ему икры. У него в кармане мы нашли магазин от автомата.

Допрос занял немного времени. Надеясь спасти свою шкуру, предатель раскрыл все планы Хоннегера, во всяком случае то, что знал. Владелец замка намеревался захватить деревню и стать диктатором Теллуса. У него было человек пятьдесят наемных бандитов и большой запас современного оружия. К счастью для нас, его сынок не захотел ждать и решил с дюжиной гангстеров похитить Розу Феррье, которой давно уже тисцетно домогался. Портной был его шпионом; после налета он рассчитывал укрыться в замке. Вместе с портным листовки Хоннегера расклеивал кабатчик Жюль Модрю. В ту же ночь мы повесили обоих предателей на ветке большого дуба.

Мы потеряли в схватке трех человек убитыми, и шесть было ранено. Три девушки исчезли: Роза, Мишель Оуду и Жаклина Прэль, племянница Марии. Но зато после ночного налета все жители деревни и окрестных ферм решительно встали на нашу сторону.

Бандиты оставили на месте схватки двух убитых, два автомата, револьвер и значительное количество патронов. На рассвете совет единогласно объявил Шарля и Жоашема Хоннегеров вместе со всеми их сообщниками вне закона и отдал приказ о мобилизации. Однако неожиданные события заставили нас отложить наступление на замок.

В то утро, когда наша армия собиралась на площади, в деревню ворвался обезумевший от ужаса мотоциклист. Этот крестьянин жил со своей женой и двумя детьми на изолированной ферме километрах в пяти от деревни. Дня три назад он сообщил нам о том, что одна из его коров погибла при весьма странных обстоятельствах: утром она была совершенно здорова, а вечером хозяин нашел на пастбище только ее скелет да шкуру. Из нее словно высосали всю кровь, мясо и внутренности. На коже осталось с десяток непонятных отверстий. И вот сегодня этот крестья-

янин примчался вновь. Он соскочил с мотоцикла так поспешно, что покатился в пыль, бессвязно хрипя:

— Смерть! Летающие пиявки! Они убивают одним ударом...

Несчастный был бледен как мел и весь дрожал. Только выпив добрый стаканчик водки, он смог рассказать нам, что произошло:

— Значит, выгнал я на заре коров, хотел хлев почистить. Мой Пьер, сынишка, погнал их на пастбище. Я видел, конечно, в небе зеленое облачко, да какой же черт его знал, что это за штука! «В этом мире два солнца и три луны, — думал я, — так почему бы не быть зеленым облакам?» Ну так вот. Ах, мразь какая! Пьер уже возвращался, когда облако вдруг начало падать. Да, и упало! И я увидел, что это добрая сотня зеленых пиявок, и у всех присоски болтаются вроде рук. Они упали прямо на стадо, и бедные коровы покатались замертво. Я кричу Пьеру: «Прячься!» Только он уже не успел, бедняга. Одна пиявка подлетела к нему и сверху, метров с трех, ударила его чем-то вроде длинного языка, и он сразу умер. Тогда я запер жену со вторым ребенком в доме, сказал им, пусть не выходят, а сам вскочил на мотоцикл — и сюда! Они за мной гнались, проклятые твари, да не догнали. Прошу вас, едьте со мной, я боюсь, что они ворвутся в дом!

По описанию крестьянина мы тотчас узнали странных обитателей болот, но нас удивило, что они могут летать. Так или иначе, угроза была серьезной. Мы с Мишелем захватили два автомата и сели в закрытую машину; Вандаль, никого не спрашивая, устроился на заднем сиденье; Бёвэн с целым взводом своих добровольцев влез на грузовик с крытым верхом, и мы отправились.

Через два километра нам встретилась первая гидра — так Мишель окрестил этих тварей.

Гидра порхала над лугом, гоняясь за овцой. Мы сбили ее волчьей картечью и остановились, несмотря на мольбы крестьянина поторопиться.

— Чтобы победить врага, нужно его узнать, — объяснил Вандаль.

Животное походило на огромный вытянутый бурдюк длиной метра в четыре, с могучим плоским хвостом. Спереди у него болталось шесть полых щупалец с роговыми коготями на концах, из-под которых выделялась клейкая слизь. У основания каждого щупальца было по глазу. В середине, в кругу, образованном щупальцами, выступал конический бугор, из которого торчала длинная трубка; ее роговой конец был срезан наискосок, как у иглы шприца.

— Жало наверняка ядовитое, — заметил Вандаль. — Советую стрелять, не выходя из грузовика; брезент толстый, может быть, он вас защитит. Именно такую тварь мы видели на болоте, только эта гораздо больше.

Вдоль всей верхней части туловища у гидры тянулись какие-то два мешка, пробитые пулями. Позади щупалец, куда попал основной заряд, в зеленом мясе зияла дыра, в которую можно было просунуть кулак.

Мы двинулись дальше.

За поворотом между деревьями мы увидели еще одну гидру. Она неподвижно парила в воздухе метрах в трех от земли, свободно свесив чуть шевелящиеся щупальца. От неожиданности первую очередь я промазал. Гидра ударила хвостом и зигзагами начала набирать высоту с огромной скоростью — километров шестьдесят в час! Сбить ее так и не удалось. Еще через полкилометра показалась ферма; мирный дымок струйками поднимался над ее трубой. Мы проехали мимо, свернув на грунтовую дорогу, где колеса машины еле выбирались из глубоких колеи. За стеклом окна мелькнули испуганные лица крестьянки и ее второго сына, мальчишки лет одиннадцать-двенадцати.

Мы пересекли поле и оказались на выгоне. Здесь копошились на трупах коров по крайней мере шестьдесят гидр; у каждой один-два щупальца были погружены в тело жертвы.

Пока не прозвучал первый выстрел, гидры не обращали на нас внимания. Некоторые, отяжелев, отваливались от трупов и отправлялись к воде, по-видимому пить. После этого они заметно раздувались, но движения их, как ни странно, становились явно легче.

Каждый из нас выбрал себе цель. Я взял на мушку ближайшую группу — шесть тварей, пировавших на одной корове.

— Огонь! — скомандовал Бёвэн.

Протрещал громкий залп, словно лопнуло шелковое полотнище. Пустые гильзы из моего автомата зазвенели о боковое стекло; одна из них отскочила за шиворот Мишелю, и он коротко выругался, почувствовав под рубашкой горячий металл. Гидры заметались. Многие сразу рухнули наземь, как продырявленные мешки.

Картель охотничьих ружей рвала гидр на куски.

Те, что не были сразу задеты, с удивительной скоростью ринулись вверх и через несколько секунд повисли высоко над нами зеленым облачком. Перезарядив автоматы, мы вылезли из машины. Остальные на грузовике были насто-роже, чтобы в случае чего прикрыть нас огнем. Шкуры мертвых коров были сплошь продырявлены; роговые зубцы на концах щупалец гидр оставили ровные круглые отверстия. Все мясо под шкурами превратилось в какую-то черноватую грязь.

— Внешнее пищеварение. — объяснил Вандаль. — Как у личинки паука-плавунца. Гидра убивает жертву ядовитым укусом, потом через щупальца впрыскивает желудочный сок, который превращает мясо в питательную слизь, и спокойно высасывает эту массу.

Зеленое облако по-прежнему висело над нашими головами, и мы не знали, что делать. Уйти? А вдруг гидры после нашего отъезда снова нападут на ферму? Остаться? Но что, если Хоннегер без нас захватит деревню? Гидры сами вывели нас из нерешительности.

— Назад, в укрытие! — кричал вдруг Мишель, не спускавший с них глаз.

Мы бросились к машине; первый в нее вскочил Вандаль, за ним — мы с Мишелем. Я уже захлопывал за собою дверцу, когда одна гидра спикировала на машину и разбилась о крышу, которая, к счастью, выдержала удар. Остальные чудовища с огромной скоростью закружились над грузовиком в фантастической карусели. Торопливо подняв стекло, я смотрел на них, готовый в любую секунду открыть огонь.

Из грузовика началась беспорядочная пальба. Наши добровольцы не жалели пороха! Раненые гидры в корчах шлепались на землю, остальные продолжали носиться в бешеном круговороте. Внезапно, словно по команде, они ринулись в атаку, вытянув ядовитые жала. Раздался вопль — очевидно, одна из гидр пробила брезент своим отравленным оружием и уколола кого-то в кузове. Теперь мы тоже открыли огонь и стреляли удачно. Гидры облепили грузовик, мы боялись ранить товарищей, но поскольку на нас никто не нападал, мы целились не торопясь и били на выбор, как в тире. За несколько минут нам удалось уничтожить еще тридцать чудовищ, а всего в общей сложности более семидесяти штук. На этот раз урок не прошел даром: гидры взмыли ввысь и, наконец, улетели.

Одна мертвая, но не продырявленная гидра осталась висеть метрах в двух над грузовиком. Мы ловко накиннули на нее петлю и отбуксировали в деревню, как вражеский воздушный шар. Крестьянина с семьей и наполовину переваренный труп его сына тоже увезли с собой. На поле остались тела двенадцати коров и гидры — лишь одну по просьбе Вандалья обвязали веревками и осторожно втащили на грузовик, чтобы потом на досуге произвести подробное вскрытие.

Кстати выяснилось, что в грузовике никто не пострадал, просто один из добровольцев вскрикнул от страха. Несмотря на это, мы теперь знали, какую грозную опасность представлял для нас неведомый мир Теллуса.

В деревню мы вернулись победителями. Добровольцы распевали вовсю. Это были главным образом рабочие, боевые революционные песни звучали не умолкая. Мы же с Мишелем во всю мочь трубили марш из «Аиды», стараясь наделать побольше шума.

Новости, которыми встретил нас Луи, слегка поохладили наш безудержный энтузиазм.

Продолжение следует.

Перевод с французского
Ф. МЕНДЕЛЬСОНА

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

Рисунки Н. Гришина

VI. СИЛА ПРОТИВ НАСИЛИЯ

Двенадцать добровольцев ходили на разведку к замку и были встречены очередью двадцатимиллиметрового пулемета. В доказательство они принесли неразорвавшуюся пулю.

— Теперь вам ясно? — спросил Луи Морьер, подбрасывая ее на ладони. — Оружие у этих каналов гораздо лучше нашего. Против таких штук у нас только ружья для охоты на кроликов да еще мегафон для убеждения... Единственное серьезное оружие — это винчестер папаши Бюрю.

Продолжение. Начало в «Искателе» № 4.

— И два автомата, — добавил я.

— Для ближнего боя. А драка предстоит серьезная.

— Мерзавцы! Неужели они посмеют?..

— Посмеют, старина, посмеют! Нас около пятидесяти, и вооружены мы чем попало, а у них человек шестьдесят. Вот если бы Констан был здесь!..

— Кто это?

— Инженер Констан, специалист по ракетам. Наш завод производил их. Мы наштамповали целый склад корпусов, но ведь это просто металлические трубы, без зарядов. В лаборатории есть все, что нужно для начинки, но химиков-то нет!

Я схватил Луи за плечи и завертел вокруг себя, приплясывая от восторга.

— Луи, старина, мы спасены! Ведь мой дядя — майор артиллерии запаса!

— Ну и что? Пушек-то не найдешь.

— И не надо! Последние годы он служил в ракетных частях и хорошо разбирается в таких вещах. Если химические вещества действительно сохранились, дядя с Бёвэном справятся.

— Пожалуй. Но на это уйдет дней десять-пятнадцать. А тем временем...

— А тем временем надо чем-нибудь развлечь этих сеньоров из замка. Погоди-ка!

Я помчался в госпиталь, где еще отлеживались Бреффор и мой брат.

— Послушай, Поль, ты сможешь построить римскую катапульту?

— Конечно. Но для чего?

— Чтобы обстреливать замок. На сколько она бьет?

— О, все зависит от веса снаряда. В общем от тридцати до ста метров. Хватит?

— Хватит! Делай чертеж.

Вернувшись к Луи и Мишелью, я изложил свой план.

— Неплохо, — ободрил Луи. — Но пулемет бьет куда дальше!

— Возле замка есть ложбина, к которой можно подъехать по боковой дороге. Там и надо установить катапульту.

— Если я правильно понял, ты хочешь метать в них самодельные бомбы, начиненные железным ломом, — вмешался Мишель. — Но где ты возьмешь взрывчатку?

— В каменоломне осталось килограммов триста динамита, его завезли перед самой катастрофой, — сказал Луи.

— Ну, с этим замка не захватишь, — покачал головой Мишель.

— А мы и не собираемся. Пусть думают, что мы зря тратим силы и боеприпасы. Главное — выиграть время, чтобы успеть начинить ракеты.

По приказу Совета Бёвэн направил патрули прощупать вражескую оборону. После этого приступили к сооружению катапульты: сколотили раму, выточили ложку и попробовали метнуть несколько камней. Дальность боя оказалась удовлетворительной, и мы построили еще два таких же допотопных орудия.

Вскоре наша маленькая армия во главе с Бёвэном выступила в поход на замок.

Первая неделя прошла в незначительных стычках. Все это время на заводе кипела лихорадочная работа. На девятый день мы с Мишелем приехали на позиции.

— Ну как, готово? — спросил Бёвэн.

— Первые ракеты придут завтра, — ответил я.

— Наконец-то! Признаюсь, нам здесь было не очень спокойно. Если бы они вздумали сделать вылазку...

Мы прошли на аванпост.

— Не высовывайтесь, — предупредил нас папаша Борю. — За гребнем все простреливается пулеметами. Если не ошибся, их там штуки четыре.

— Что с другой стороны замка?

— Они укрепили его кругом. Там завалы из деревьев.

Ползком мы добрались до гребня. Его обстреливал двадцатимиллиметровый пулемет.

— Этот можно, пожалуй, подавить, — заметил Мишель.

— Наверное. Только атаковать не стоит, пока нет ракет.

В назначенный час из деревни прибыли на грузовике мой дядя, Бреффор и Этранж и принялись сгружать многочисленные ящики.

— Гранаты, — коротко пояснил Этранж.

Это были обрезки чугунных труб, начиненных взрывчаткой с детонаторами.

— А вот ракеты, — сказал дядя. — Мы их испытали. Дальность — три с половиной километра; точность боя достаточная. В головках — чугунные обломки и заряд взрывчатки. Сейчас подойдет грузовик с направляющими устройствами.

— Ха-ха! — потирал руки Бёвэн. — Наша артиллерия пополняется!

В этот момент в ложину скатился один из добровольцев.

— Они машут белым флагом!

Со стороны противника, размахивая носовым платком, шел человек. Папаша Борю встретил его на ничейной земле и отконвоировал к командиру. Это оказался Шарль Хоннегер собственной персоной.

— Что вам угодно? — спросил Бёвэн.

— Я хочу говорить с вашими главарями.

— Перед вами четыре «главаря».

— Мы против бесполезного кровопролития. Предлагаем следующее: распустите Совет, сложите оружие и передайте власть нам. Тогда вам ничего не будет.

— Ну ясно, вы просто превратите нас в рабов, — ответил я. — Вот наши предложения: возвратите похищенных девушек и сдайтесь. Ваших людей мы возьмем под наблюдение, а зачинщиков посадим до суда в тюрьму.

— Наглости у вас хоть отбавляй! Посмотрим, что вы делаете с вашими охотничьими хлопущками.

— Предупреждаю, — вмешался Мишель, — если у нас будет убит хоть один человек, мы вас повесим.

— Постараюсь не забыть!

— Раз вы не желаете сдаться, — сказал я, — поместите похищенных девушек, вашу сестру и мадемуазель Дюшер для безопасности вон на ту скалу.

— Ничего не выйдет! Ни Мад, ни сестра ничего не боятся,

а на остальных плевать. Если их убьют, после победы найдутся другие. Хотя бы Мартина Соваж.

В ту же секунду негодяй шлепнулся на землю с разбитой физиономией: Мишель оказался быстрее меня.

Шарль Хоннегер поднялся, бледный от ярости.

— Вы ударили парламентаря, — прошипел он.

— Сволочь ты, а не парламентар. Убирайся, куда цел!

Едва Хоннегер скрылся за гребнем, в лощину въехал второй грузовик, и мы быстро установили направляющие для запуска ракет.

— Через десять минут начнем обстрел, — сказал Бёвэн. — Жаль только, что у нас нет наблюдательного пункта.

— А вон тот холм? — спросил я, показывая на крутую возвышенность, поднимающуюся позади наших линий.

— Он простреливается.

— Но зато оттуда будет виден даже замок! Зрение у меня отличное, и я возьму с собой телефон.

— Я с тобой, — сказал Мишель.

Мы полезли вверх, разматывая на ходу телефонный провод, но не успели добраться и до половины подъема, как послышались резкие щелчки и полетели осколки камней: нас заметили. Прижимаясь к скале, мы обогнули вершину и начали пробираться дальше по противоположному склону.

Сверху вражеские линии открылись как на ладони. От выдвинутого вперед небольшого дота с тяжелым пулеметом к тылам шла глубокая траншея. По флангам были разбросаны гнезда автоматчиков и одиночные окопы, в которых шевелились люди.

— Портной говорил, что здесь человек пятьдесят-шестьдесят, но, судя по линиям укреплений, больше, — заметил Мишель.

На расстоянии около километра по прямой на склоне горы была ясно видна поляна с замком посередине.

Запищал телефон.

— Алло! Алло! Через минуту открываем огонь по замку. Наблюдайте! — приказал Бёвэн.

Я бросил взгляд на наши позиции: половина добровольцев, развернувшись цепью, залегла под самым гребнем лощины; остальные сустились вокруг катапульта и ракетных установок.

Ровно в 8.30 шесть огненных струй вырвались из лощины и взлетели высоко в небо, оставляя за собой дымные хвосты. Потом след оборвался: ракеты израсходовали горючее. На парковой лужайке перед замком засверкали вспышки. Через несколько секунд до нас донеслись сухие разрывы.

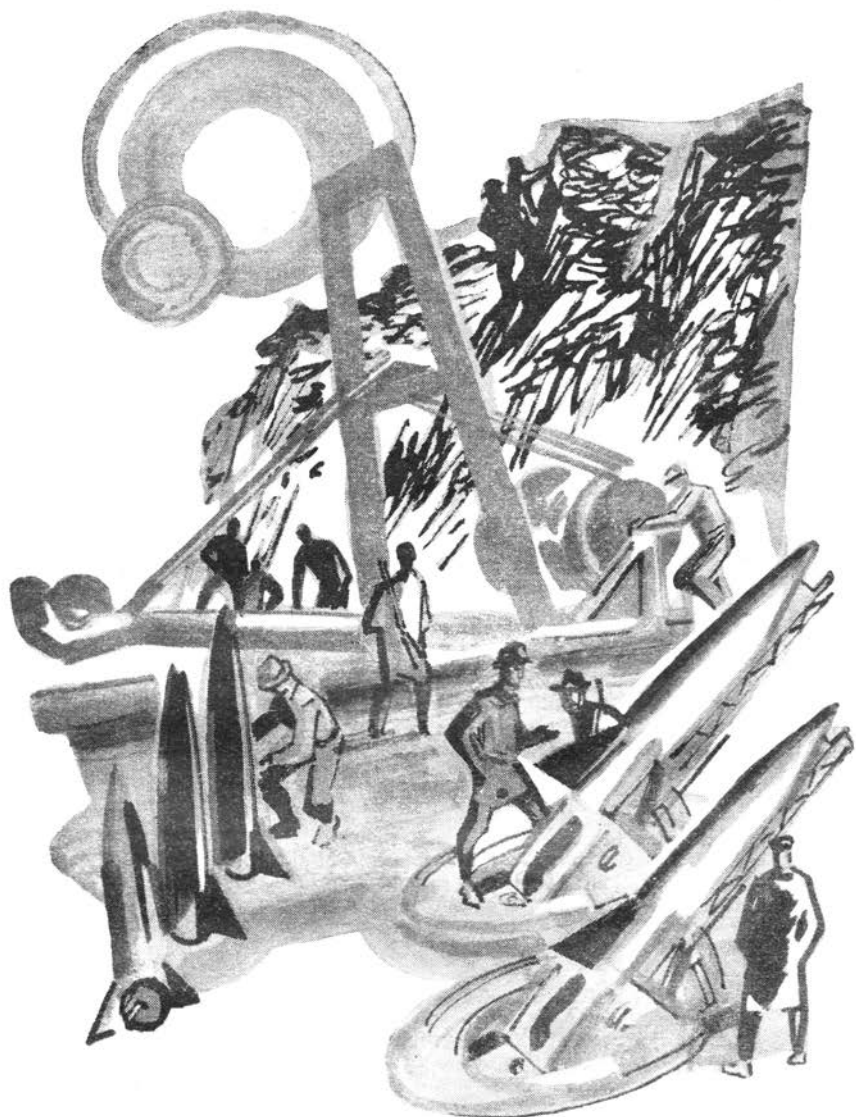
— Недолет тридцать метров, — сообщил я.

На белой террасе замка появились четыре черные фигурки. Снова взметнулись шесть ракет. На сей раз они упали точно. Одна взорвалась прямо на террасе, и маленькие фигурки попадали; потом три поднялись и потащили четвертую внутрь. Вторая ракета влетела в окно замка. Остальные попали в стены, которые, похоже, не особенно от этого пострадали.

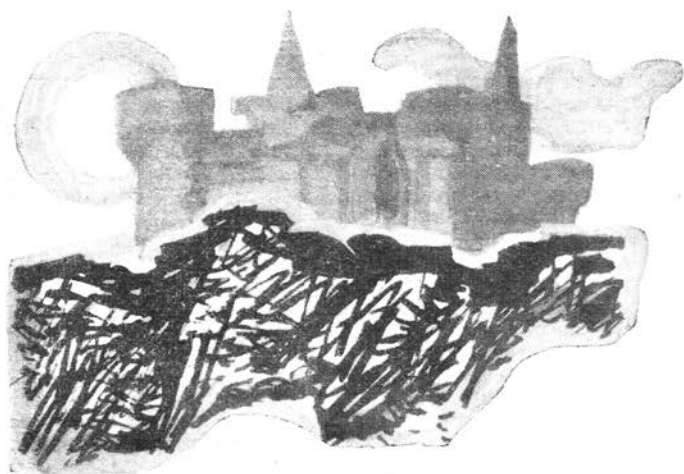
— Цель накрыта! — прокричал я.

Обстрел замка продолжался. Следующим залпом была подожжена автомашина Хоннегера, стоявшая справа от дома.

— Теперь корректируйте огонь катапульта! — послышался в телефоне голос Бёвэна.

Три первых снаряда упали за дотом.
— Небольшой перелет, — сообщил Мишель, привставая.
Я дернул его вниз: не в силах поразить наших людей, укрывшихся в лощине, враг начал обстреливать нас из пулемета и автоматов. В течение нескольких минут мы не могли поднять

головы, свинцовый рой с жужжанием пронесся над нами, заставляя прижиматься к камням.

— Надо будет укрепить наблюдательный пункт. А пока давай спустимся пониже, — предложил я.

Пулемет смолк, автоматы тоже затихли.

— Открываем беглый огонь по вражеским позициям! — сообщил телефон. — Наблюдайте!

Ракеты начали рваться на открытых местах или в чаще ельника, не причиняя заметного ущерба, если не считать загоревшейся копны соломы.

Враг вновь открыл огонь, но теперь по гребню лощины. Один из наших людей, раненный, сполз вниз. Вскоре подъехал грузовик с ракетами более крупного калибра; из кабины выскочил Массакр.

— Катапульты, внимание... залп!

На этот раз все бомбы взорвались на вражеском доте. Оттуда послышались стоны, однако пулемет продолжал стрелять.

— Вот тебе пример явного превосходства навесного огня, — сказал Мишель. — Настильным огнем они ничего не могут нам сделать, а мы рано или поздно разворотим их нору.

— Непонятно, почему они не пытаются захватить гребень лощины?

— Атаку легко отбить.

— Смотри, смотри!

— Внимание! — крикнул Мишель в телефон. — Шесть человек ползут слева. Видите?

Четверо добровольцев переместились на левый фланг.

Враг поливал из автоматов гребень лощины с такой яростью, что держаться там стало невозможно, и папаша Борю со своими людьми отступил. Из окопов противника выскочили человек тридцать. Они бежали, ложились и снова вскакивали.

— Атака по фронту! — сообщил Мишель.

Слева вспыхнула перестрелка. Бёвэн подпустил нападающих на пятнадцать метров к ложине, потом отдал приказ гранатометчикам. Гранаты сработали великолепно, уложив сразу одиннадцать человек. Прежде чем враг отошел, папаша Борю снял еще двоих из своего винчестера. На левом фланге у нас был один убитый и двое раненых, а противник потерял четверых.

Катапульти метали бомбы без перерыва. Двенадцатый залп оказался особенно удачным: одна бомба попала в дот, и пулемет, наконец, умолк. Три гнезда автоматчиков тоже были подавлены, а четвертый смолк сам, очевидно, заклинило ствол. Тогда добровольцы пошли в атаку. Потеряв еще двоих ранеными, они ворвались во вражеские окопы и захватили трех пленных; остальные успели отступить.

Короткий допрос пленных позволил установить силы противника. Она потеряли семнадцать человек убитыми и двадцать ранеными, в живых осталось около пятидесяти. После первой победы мы захватили два автомата, тяжелый пулемет и много боеприпасов. Наша маленькая армия сразу стала неизмеримо сильнее. Мы с Мишелем покинули свой наблюдательный пункт.

Пока разведчики, которых послали наши, продвигались вперед, мы обстреливали замок. С любопытством следил я за полетом первых ракет крупного калибра. На этот раз стены не выдержали и целое крыло дома обрушилось.

В замке вспыхнул пожар.

Наконец разведчики вернулись. Вторая линия вражеской обороны проходила в двухстах метрах от замка и состояла из окопов с тремя пулеметными гнездами и отдельными ячейками автоматчиков. Заканчивая донесение, папаша Борю добавил:

— Непонятно, что они собирались делать со всем этим оружием. Не могли же они знать наперед, что с нами случится! Надо будет сообщить в полицию.

— Так ведь мы теперь и есть полиция, старина!

— Правда, я и забыл. Ну, тогда все проще!

Бёвэн вместе с нами поднялся на вершину холма, тщательно осмотрел местность и попросил Мишеля наскоро набросать план. Тому это не составило труда: Мишель на досуге рисовал, и рисовал превосходно.

— Вы останьтесь здесь с двумя бойцами и артиллерией, — решил Бёвэн. — Я беру с собой только пулемет и катапульти. У меня есть три сигнальные ракеты. Когда увидите их, прекращайте огонь.

— Массакр пойдет с вами?

— Нет. Ведь он единственный хирург на этой планете!

— Правильно. Но не забывайте, что вы единственный инженер.

Наши добровольцы двинулись к замку, волоча за собой пулемет и катапульти. Я приказал ракетчикам открыть огонь по вражеским окопам. Обстрел продолжался сорок пять минут.

Без бинокля мы не могли определить нанесенный врагу урон и только старались сосредоточить огонь там, где разведчики засекали пулеметные гнезда. После тридцать пятого залпа заговорил, наконец, и наш пулемет. Сорок пятый залп обрушился прямо на вал. Вслед за этим я увидел дымный след сигнальной ракеты и приказал прекратить огонь.

По ту сторону замка вспыхнула перестрелка: наши атаковали с фронта и с тыла. С облегчением я отметил, что пулеметы врага молчат. Схватка продолжалась минут двадцать. То и дело слышались взрывы гранат; глухо рвались бомбы катапульты. Потом все стихло. Мы переглянулись, не в силах скрыть беспокойства. Чем кончилась атака? Много ли жертв? Наконец из лесу показался доброволец, размахивая листком бумаги.

— Все в порядке, — сказал он, задыхаясь, и протянул донесение.

Мишель, поспешно развернув листок, прочел вслух:

«Окопы захвачены. У нас пять убитых и двенадцать раненых. Противник понес большие потери. Человек двадцать забаррикадировались в замке. Возьмите грузовик, подвезите ракетные направляющие и доктора. Остановитесь у домика егерей. Будьте осторожны: в лесу могут скрываться враги».

Мы встретили Бёвэна у охотничьей сторожки.

— Дело было горячим, но зато кончилось быстро. Ваши ракеты, — сказал Бёвэн дяде, — просто великолепны! Без них... и без ваших катапульт, — добавил он, обращаясь ко мне, — нам бы несдобровать.

— Кто убит?

— Трое рабочих — Салавэн, Фрё, Робер — и двое крестьян, как их звали, не знаю. Тут, в сторожке, трое тяжелораненых. Массакр немедленно прошел к ним.

— А у тех что?

— Много убитых и раненых. Три последних залпа угодили прямо в окопы. Пойдемте посмотрим.

И в самом деле, это была «чистая работа». Забыв об осторожности, мы высунулись из окопа, и тотчас автоматная очередь просвистела над нашими головами.

— Им удалось унести пулемет, — сказал Бёвэн, — так что лучше бы вы, мосье Бурна, показали, как устанавливать направляющие.

— Зачем? Я это сделаю сам.

— Я не позволю вам рисковать.

— Во-первых, я прошел в сорок третьем всю итальянскую кампанию, а эти бандиты не страшнее фрицев Гитлера. Во-вторых, у меня полнокровие, как у каждого астронома, так что маленькое кровопускание не повредит. А в-третьих, я майор запаса, а вы всего лишь лейтенант, так что я вас не задерживаю. Кру-гом! — добавил мой дядя, смеясь.

— Слушаюсь! Только будьте осторожны!

Мы расположили ракетные установки в окопах в двухстах метрах от замка. Гордое здание сильно пострадало.

— Вы не знаете, что с нашими девушками? — спросил Мишель.

— Один пленный уверяет, что еще до начала наступления их заперли в глубоком подвале. Дочка Хоннегера, кажется, не разделяет идей своего папаши и, наверное, тоже там. Надо целиться в окна и двери, — закончил Бёвэн, обращаясь к дяде.

Дядя включил электрический контакт. Последовал короткий вой ракет и оглушительный взрыв.

— Поражение!

Второй залп разорвался уже внутри. Пулемет противника

замолчал. Мы дали еще три залпа подряд. Из-за наших спин добровольцы поливали пулеметным огнем зияющие окна замка. Но вот в круглом окошке затрепетала белая тряпка.

— Сдаются! Давно пора.

Внутри замка раздалось несколько выстрелов: по-видимому, сторонники сдачи утихомиривали тех, кто хотел драться до конца. Белая тряпка исчезла, потом появилась опять. Перестрелка внутри смолкла. Опасаясь подвоха, мы не вылезали из окопов, но огонь прекратили. Наконец через проем выбитой двери вышел человек с развернутым носовым платком.

— Подойди ближе! — приказал Бёвэн.

Человек повиновался. Это был совсем молоденький блондин с приятным, но измученным лицом и запавшими глазами.

— Вы сохраните нам жизнь, если мы сдадимся? — спросил он.

— Вас будут судить. А если вы не сдадитесь, мы сделаем вас покойниками менее чем за час. Выдайте нам Хоннегера и выходите на поляну с поднятыми руками.

— Шарль Хоннегер убит. Его отца нам пришлось оглушить; когда мы выбросили белый флаг, он стрелял в нас, но он жив.

— Где девушки?

— Они в подвале вместе с Идой, простите, с мадемуазель Хоннегер, и Маделиной Дюшер.

— Они живы, не пострадали?

Блондин пожал плечами.

— Понятно. Выходите, мы ждем.

VII. СУД

Двадцать уцелевших вояк безропотно выстроились на поляне, бросив оружие к ногам и заложив руки за головы. Двое выволокли Хоннегера, который все еще был без сознания; к нему приставили караул. С автоматами в руках мы с Мишелем проникли в замок; один из пленных показывал дорогу.

Внутри царил разгром. Картины кисти известных мастеров в вычурных рамах, вкривь и вкось висевшие по стенам салона, были изрешечены пулями. Два пустых огнетушителя свидетельствовали о том, что здесь тоже едва не вспыхнул пожар. В вестибюле валялся изуродованный взрывом труп Шарля Хоннегера; пол и стены были утыканы осколками.

По каменной винтовой лестнице мы спустились в подвал; железная дверь гудела от ударов: кто-то стучался изнутри.

Едва мы отодвинули засов, как навстречу нам выскочила Ида Хоннегер. Мишель схватил ее за руку.

— Вы куда?

— Где мой отец? Брат?..

— Ваш брат убит, а отец... он пока жив.

— Неужели вы его?..

— Мадемуазель, — сказал я, — из-за него погибло около двенадцати наших людей, не считая ваших.

— Это ужасно. Зачем они это сделали? — проговорила она и залилась слезами.

— Этого мы еще не знаем, — ответил Мишель. — Где девушки, которых они похитили? И эта, ну, как ее, кинозвезда?

— Мад Дюшер? Там, в погребе.

Мы вошли в подземелье. Керосиновая лампа тускло освещала стены. Маделина Дюшер, очень бледная, сидела в углу.

— Должно быть, совесть у нее нечиста, — сказал Мишель. — Вставай и выходи! — грубо добавил он.

Затем мы освободили трех девушек из деревни.

Когда все поднялись на первый этаж, там уже был Луи с остальными членами Совета.

— Старик Хоннегер пришел в себя. Пойдем, надо его допросить.

Хоннегер сидел на поляне; рядом с ним была и его дочь. Увидев нас, он поднялся.

— Я вас недооценил. Мне надо было привлечь на свою сторону инженеров, тогда мы завладели бы этой планетой.

— А для чего? — спросил я.

— Для чего? Это был единственный случай, когда человек мог взять в свои руки судьбу человечества. Через несколько поколений мы создали бы расу сверхлюдей.

— Из вашего-то материала? — спросил насмешливо я.

— У моего сырья было все, что нужно: настойчивость, мужество, презрение к жизни.

Он склонился к плачущей дочери.

— Пожалейте ее, она ничего не знала о моих планах и даже пыталась нам помешать. А теперь прощайте...

Быстрым движением он бросил что-то в рот, проговорил: «Цианистый калий», — и рухнул на землю.

— Ну, что ж. Одним подсудимым меньше, — сказал Мишель вместо надгробного слова.

Добровольцы уже грузили на машины трофеи: четыре автоматические пушки, шесть пулеметов, сто пятьдесят ружей и автоматов, пятьдесят револьверов и большое количество боеприпасов. Замок был настоящим арсеналом, но самой ценной из всех находок был совершенно новый печатный станок.

— Непонятно, что они собирались делать со всем этим на Земле?

— Один пленный показал, что Хоннегер возглавлял фашистскую организацию, — ответил Луи.

— Нет худа без добра. Теперь будет чем встретить гидр.

— Кстати, с тех пор их больше не видели. Вандаль и Бреффор заканчивают вскрытие маленькой гидры; они ее положили в бочку со спиртом. Этот Бреффор просто незаменим! Он уже научил деревенских ребят лепить глиняную посуду, как это делают индейцы Южной Америки.

Когда мы вернулись в деревню, было четыре часа пополудни. Сражение продолжалось меньше дня. Я добрался до дому и заснул как убитый.

Часов в шесть вечера меня разбудил брат, и мы отправились к Вандалю. Он ждал нас в школе; перед ним на столе лежала наполовину препарированная гидра. То на доске, то на листах бумаги Вандаль делал зарисовки.

— А, вот и ты, Жан! — встретил меня Вандаль. — Я бы

отдал десять лет жизни, чтобы продемонстрировать этот образчик в нашей академии! Поразительная анатомия!

Он подвел меня к рисункам.

— Они относятся к самым низшим организмам. Система кровообращения очень проста. Пищеварение — внешнее; желудочный сок впрыскивается в добычу, а затем питательная масса всасывается в желудок-глотку. Но вот что удивительно: нервные центры необычайно сложны и развиты, у основания щупалец в хитиновой оболочке расположен настоящий мозг. Под ним находится любопытный орган, напоминающий электрическую батарею ската. Этот орган и сами щупальца снабжены богато разветвленными нервами. Если выяснится, что эти животные в какой-то степени разумны, я не удивлюсь. И другая интересная вещь — водородные мешки... Потому что в этих огромных перепончатых мешках, занимающих всю верхнюю часть гидры, находится водород. Вырабатывается он в результате разложения воды при низкой температуре. По пористому каналу вода поступает в специальный орган, где происходит ее химическое разложение. Я думаю, что кислород переходит в кровь, потому что этот орган сплошь окутан артериальными капиллярами. Когда водородные мешки наполнены, удельный вес гидры меньше веса воздуха, и она свободно плавает в атмосфере. Мощный плоский хвост служит ей рулем. Передвигается она в основном за счет сокращения особых полостей, выбрасывающих воздух, смешанный с водой. Эта смесь с огромной силой выталкивается назад через отверстия, подобные дюзам реактивного двигателя.

На следующее утро ко мне пришел посыльный от Луи. Он предупредил, что сейчас начинается суд над пленными, и я, как член Совета, должен в нем участвовать.

Суд собрался в большом сарае, превращенном по этому случаю в зал заседаний. Члены Совета сидели за столом на возвышении. Перед нами было свободное пространство для обвиняемых, а дальше — скамейки для публики. Вооруженная стража охраняла все выходы. Председателем трибунала был избран мой дядя. Он поднялся и обратился к собравшимся:

— Еще никому из нас не приходилось быть судьей. А сегодня мы члены чрезвычайного трибунала. У обвиняемых не будет адвокатов, чтобы не терять время на бесконечные споры. Поэтому мы должны быть особенно справедливы и беспристрастны.

Два главных преступника мертвы, и я хочу вам напомнить, что на этой планете, где мало людей, нам дорог каждый человек. Но нельзя забывать и о том, что по вине подсудимых погибло двенадцать добровольцев, а три девушки подверглись постыдным оскорблениям.

В сарай ввели подсудимых.

Мой дядя снова заговорил:

— Вы все обвиняетесь в грабеже, убийствах, вооруженном нападении и в государственной измене. Кто ваш руководитель?

Обвиняемые секунду поколебались, а потом вытолкнули вперед рыжего великана.

— Когда хозяев не было, командовал я.

— Ваше имя, возраст, профессия?

— Бирон Жан, тридцать два года. Раньше был механиком.

— Признаете себя виновным?

— А какая разница, признаю или нет? Вы все равно меня расстреляете!

— Не обязательно. Вы могли заблуждаться. Что привело вас к преступлениям?

— После этой заварушки патрон сказал, что мы на другой планете, что деревню захватила, извините, всякая сволочь и что нужно спасать цивилизацию. А потом, — он поколебался, — если все пойдет хорошо, мы будем жить, как сеньоры в старые времена.

— Вы участвовали в нападении на деревню?

— Нет. Можете спросить у других. Все, кто там был, убиты. Это были люди хозяйского сына. Сам хозяин тогда очень злился. Шарль Хоннегер говорил, что захватил заложников, а на самом деле он давно бегал за этой девкой. Хозяин этого не хотел. Да и я тоже. Это Леврен его надоумил.

— А чего добивался ваш хозяин?

— Я вам уже сказал: он хотел быть господином этого мира. В замке было много оружия. Он занимался контрабандой. Там, на Земле. А потом у него были свои люди. Ну, мы. Вот он и рискнул. А нам куда было деться? Мы все в прошлом наделали глупостей. И хозяин знал, что у вас почти нет оружия. Он не думал, что вы его сделаете так быстро!

— Хорошо! Увести! Следующий!

Следующим был юноша, который выкинул белый флаг.

— Ваше имя, возраст, профессия?

— Бельтер Анри. Двадцать три года. Студент политехнического института. Увлекался аэродинамикой.

— А вы-то что делали среди этих бандитов?

— Я знал Шарля Хоннегера. Однажды мы играли в покер, и я проиграл за вечер все деньги. Он заплатил мой долг. Потом пригласил меня в замок. Я не одобрял ни планов его отца, ни его поведения, но предать Шарля не мог. В вас же не стрелял ни разу!

— Проверим! Следующий!

— Простите. Мне хотелось еще сказать... Ида Хоннегер... Она сделала все, что могла, чтобы вас предупредить.

— Мы знаем и непременно учтем это.

Допрос продолжался. Здесь были люди почти всех профессий. Большая часть обвиняемых принадлежала к организации фашистского толка.

Некоторые производили впечатление просто обманутых. Многие искренне раскаивались. Верность Бельтера другу вызывала даже симпатию. Никто из обвиняемых не сказал о нем ничего плохого; наоборот, большинство из них подтверждало, что в сражении он не участвовал. Не знаю, что думали остальные, а я, честно, был в затруднении. Но вот вышел двадцать девятый. Он сказал, что его зовут Жюль Леврен, что он журналист и что ему сорок семь лет. Это был маленький худой человек с костлявым лицом. Луи заглянул в свои записи.

— Свидетели показали, что вы были в замке гостем, но некоторые думают, что вы и есть главный хозяин. Вы стреляли по нашим. Кроме того, свидетели жаловались на вашу жестокость.

— Это ложь! Я никогда не видел этих свидетелей. И ни в чем не участвовал.

— Врет! — не выдержал доброволец, охранявший дверь. — Я видел его у автоматической пушки. Той самой, которая прикончила Салавена и Робера. Три раза я целился в этого сукиного сына, да жаль, не попал.

Журналист пытался протестовать, но его не стали слушать.

— Мадемуазель Дюшер.

Вид у нее был жалкий, несмотря на обилие косметики.

— Маделина Дюшер, двадцать восемь лет, актриса. Но я ничего не сделала.

— Вы были любовницей Хоннегера-старшего?

— И старшего и младшего, — раздался чей-то голос.

Эту реплику зал встретил хохотом.

— Неправда! — крикнула она. — О, это ужасно! Выслушивать подобные оскорбления!

— Ида Хоннегер, девятнадцать лет, студентка.

— Что вы изучали?

— Право.

— Что вы можете сказать об остальных подсудимых?

— Я их мало знаю. Бирон был неплохим человеком, Анри Бельтер сказал, что не стрелял, и я ему верю. — Она всхлинула. — Мой отец и брат тоже не были злодеями. Раньше родители очень бедствовали. Богатство пришло внезапно и вскружило им голову. Во всем виноват этот человек — Леврен. Это он подсунил отцу Ницше, и тот вообразил себя сверхчеловеком. Это он подсказал ему безумный план завоевания планеты. Он способен на все! О, как я его ненавижу! — девушка разрыдалась.

— Садитесь, мадемуазель, — негромко сказал дядя. — Мы посовещаемся, но вам опасаться нечего. Для нас вы скорее свидетельница, чем обвиняемая.

Мы удалились за занавес. Обсуждение было долгим. Луи и крестьяне настаивали на суровых мерах. Мишель, мой дядя, кюре и я стояли за более мягкое наказание. Людей было мало, большинство обвиняемых просто следовали за своими главарями. В конечном счете мы пришли к согласию. Обвиняемых ввели, и дядя прочел приговор.

— Жюль Леврен! Вы признаны виновным в преднамеренном убийстве, грабеже и насилии. Вас приговорили к смертной казни через повешение. Приговор должен быть приведен в исполнение немедленно.

Бандит не выдал своих чувств, только смертельно побледнел.

— Анри Бельтер! Вы ничего не сделали во вред обществу и признаны невинным, но поскольку ничего не сделали для того, чтобы нас предупредить, вы лишаетесь избирательных прав до тех пор, пока не искупите свою вину.

— Да.

Ида Хоннегер признается также невинной.

— Маделина Дюшер! За вами не установлено никаких проступков, за исключением сомнительной нравственности и, скажем, сентиментальных привязанностей, — в зале снова послышались смешки, — к главным преступникам... Вы лишаетесь избирательных прав. Будете работать на кухне.

Все остальные приговариваются к принудительным работам сроком на пять земных лет. Вы можете сократить его примерным трудом и поведением. Трибунал лишает вас пожизненно всех политических прав, которые могут быть возвращены тому, кто это заслужит героическим подвигом на пользу обществу.

Осужденные радостно загомонили: они опасались более тяжкого наказания.

— Спасибо, ребята! — крикнул Бирон. — Вы просто молодцы!

— Заседание окончено. Уведите осужденных!

Кюре подошел к Леврену, который захотел исповедаться. Зрители разошлись. Я прыгнул с помоста и подошел к Бельтеру. Юноша утешал Иду.

— Где вы будете жить? — спросил я у них. — Дюшер придется спать при кухне, хочет она этого или нет, а с вами дело другое. Возвращаться в наполовину разрушенный замок, куда могут прилетать гидры, просто безумие. Здесь тоже много разрушений, и люди живут тесно. Кроме того, вам нужно подыскать работу. Теперь праздность запрещена законом.

— А где он написан, этот закон?

— К сожалению, кодекс еще не составлен. У нас есть только разрозненные тексты и постановления Совета. Кстати, вы же были юристкой?

— Я заканчивала второй курс.

— Вот и для вас нашлось дело. Вы займетесь нашим кодексом. Я поговорю об этом в Совете. А вас, Бельтер, я возьму к себе в Министерство геологии.

К нам подошел Мишель.

— Если ты собираешься сманить Бельтера, то ты опоздал. Мы уже договорились, — сказал я.

— Тем хуже для меня. Тогда я договорюсь с сестрой. Астрономия подождет. Кстати, они с Менаром хотят вечером познакомиться нас со своей теорией катастрофы.

Я взглянул на небо. Гелиос стоял высоко.

— Ну, до вечера не близко. Послушай, Мишель, если эта девушка поселится с твоей сестрой, это не очень ее стеснит?

— А вот и Мартина. Можешь спросить у нее самой.

— Сделай это для меня. Боюсь я твоей сестры-звездочета!

— Ну, ты не прав. Она очень хорошо относится к тебе.

— Откуда ты знаешь?

— От нее!

Он рассмеялся и отошел.

VIII. ОРГАНИЗАЦИЯ

После полудня в школьном зале состоялось заседание Академии наук Теллуса. Докладчиком был Менар. Он поднялся на кафедру и начал доклад:

— Я хочу изложить результаты своих расчетов и наблюдений. Как вы уже знаете, мы оказались на другой планете, — будем называть ее Теллус. Ее окружность по экватору составляет примерно пятьдесят тысяч километров; сила тяготения на поверхности — около девяти десятых земного. У Теллуса есть три спутника; расстояние до них вычислено мною пока очень

приблизительно. Я назвал их Феб, Селена и Артемида. Сначала я полагал, что наша планетная система принадлежит к числу систем с двумя солнцами. Но я ошибся. В действительности Соль, маленькое красное солнце, — всего лишь очень большая, еще не остывшая планета на внешней от нас орбите. Несмотря на то, что у Соля оказалось одиннадцать спутников, кроме него, есть и другие планеты. Все они вращаются вокруг Гелиоса, а не вокруг Соля. Сейчас период противостояния: когда заходит Гелиос, восходит Соль. Но через некоторое время, примерно через четверть теллусийского года, начнется период, когда мы будем одновременно видеть два светила, потом только одно, а иногда — ни одного.

А сейчас я изложу вам более или менее разумную гипотезу катастрофы. Мысль о ней пришла мне в голову сразу после того, как мы оказались на этой планете.

Вы, несомненно, знаете, что некоторые астрономы рассматривают нашу вселенную как своего рода сверхсфероид. Такой сфероид парит в сверхпространстве, которое мы можем представить лишь очень смутно. Согласно моей гипотезе в сверхпространстве существует множество гиперсфер — вселенных, плавающих в нем, как, скажем, могло бы летать в этом зале множество детских воздушных шаров. Возьмем два таких шара. Один — это наша Галактика, и там — наша солнечная система, затерянная где-то в ее необъятности. Второй — это галактика, в которой заключен Теллус. По неизвестным причинам две галактики соприкоснулись. Произошло частичное взаимопроникновение двух миров, во время которого Земля и Теллус очутились в одном месте, где взаимодействовали два пространства-времени! По неизвестным причинам кусок Земли был перенесен в иную галактику: возможно, что и Теллус потерял при этой встрече часть своей массы, и тогда наши земляки, должно быть, охотятся сейчас на гидр где-нибудь в долине Роны. Ясно только, что обе галактики двигались почти с одинаковой скоростью и в одном направлении и что скорости обращения Земли и Теллуса на орбитах также почти совпали, ибо иначе мы с вами вряд ли смогли бы уцелеть. Этим же объясняется и тот факт, что межпланетная экспедиция, в которой участвовал кузен присутствующего здесь Жана Бурна, отметила признаки катастрофы вблизи Нептуна, но обогнала ее и успела вернуться на Землю. Возможно, что некоторые дальние планеты нашей солнечной системы тоже «вылетели» в другую вселенную¹.

Возможно также, что правы Мартина и Мишель, которые полагают, что мы на планете нашей Галактики, с которой соприкоснулись в результате того, что произошла складка в пространстве. В таком случае мы оказались на другом краю нашей Галактики. Будем надеяться, что наблюдения разрешат этот спор.

Тех, кто интересуется математической стороной изложенной теории, прошу обращаться ко мне.

Менар сошел с кафедры и через минуту уже горячо спорил о чем-то с Мартиной, Мишелем и моим дядей. Я было приблизился, но, услышав о массах, орбитах и прочих сложных вещах, поспешно отступил. Тут же меня отвел в сторону Луи.

¹ Автор умышленно приводит путаное «научное» объяснение фантастического события.

— Послушай, теория Менара, конечно, очень интересна, но с практической точки зрения она ничего не дает. Ясно, что нам суждено жить на этой планете. Дела еще непочатый край! Ты в прошлый раз говорил об угле. Он что, тоже перелетел сюда?

— Возможно. Я даже буду удивлен, если после всей этой встряски на поверхность не выскочил какой-нибудь стэфанийский или вестфалийский пласт. Что ты смотришь? Это просто названия пластов, которые встречались в этом районе. Но должен тебя предупредить: ничего хорошего не жди! Несколько прослоек толщиной от пяти до тридцати сантиметров, и уголь очень тощий.

— И то неплохо! Главное, чтобы завод дал электричество. Ты ведь знаешь, на изготовление ракет мы истратили почти все топливные резервы.

* * *

Последующие дни прошли в сплошной деловой горячке. Совет принял целый ряд оборонительных мер. Вокруг деревни мы оборудовали шесть сторожевых постов с герметическими укрытиями; каждый из них на случай осады был снабжен всем необходимым и связан примитивной телефонной линией с центральным постом. Едва заметив гидр, наблюдатели должны были поднимать тревогу. Мы усовершенствовали ракеты и создали настоящую противоздушную артиллерию. При первом же налете она вполне себя оправдала: из полусотни гидр было сбито штук тридцать.

Однажды утром мы с Бельтером и двумя вооруженными бойцами отправились разыскивать уголь. Как я и предполагал, большинство пластов едва достигало в толщину пятнадцати сантиметров и лишь один — пятидесяти пяти.

— Не завидую шахтерам, — сказал я. — Придется им повозиться.

Воспользовавшись своим правом министра полезных ископаемых, я мобилизовал тридцать человек на разборку путей, которые некогда шли к ближайшей железнодорожной станции. Потом мы сняли одну колею — с ветки от завода к глиняному карьеру, откуда на завод поступало сырье. Благодаря открытию Муассака и Уилсона с 1964 года алюминий добывали уже не только из боксита, но и непосредственно из глины.

Разумеется, Этранж протестовал:

— Как же я доставлю сырье на завод?

— Во-первых, я оставляю вам один путь из двух; во-вторых, такое количество алюминия понадобится нам не скоро; в-третьих, ваш завод все равно не сможет работать без угля; в-четвертых, когда я отыщу руду, мы начнем выплавлять железо, его хватит на все. А пока соберите железный лом и переплавьте на рельсы.

Кроме того, я реквизирувал на заводе два маленьких паровозика и достаточное количество вагонов. В известняковом карьере я забрал три отбойных молотка и один компрессор.

Несколько дней спустя шахта уже работала, и в деревне снова было электричество. Семнадцать «каторжников» стали шахтерами. Они работали под охраной, которая не столько стерегла их, сколько защищала от гидр. Довольно скоро эти люди забыли о том, что они осужденные, да и мы, признаться, тоже. Они ста-

ли просто «шахтерами» и под руководством бывшего штейгера быстро освоили подземную профессию.

Так в организационной работе незаметно пролетели два месяца. Мишель и мой дядя с помощью часовщика изготовили часы теллусийского времени. Нам очень мешало то, что сутки состоят из 29 земных часов; каждый раз, чтобы узнать время по своим часам, приходилось делать сложные подсчеты. Поэтому сначала мы выпускали часы двух типов: с циферблатом, разделенным на 24 «больших» часа, и с циферблатом, размеченным на 29 земных часов. Через несколько лет была принята система, существующая до сих пор, — вы только с ней и знакомы. Сутки делятся на 10 часов по 100 минут, причем в каждой минуте — 100 секунд, которые, в свою очередь, делятся еще на 10 мигнов.

Запасы продовольствия полностью обеспечивали нас на десять земных месяцев. Мы чутились в умеренном поясе Теллуса, в поясе вечной весны, и если пшеница приживется в этом климате, мы могли рассчитывать на несколько урожаев в год. В доли-

не было достаточно пахотной земли; нам ее должно было хватить, пока население не увеличится чрезмерно. К тому же почва самого Теллуса выглядела не менее плодородной.

Мы отремонтировали большое число домов и уже не ютились в прежней тесноте. Школа снова работала. Совет заседал теперь в большом металлическом ангаре. Здесь Ида властвовала над архивом, и здесь я обычно находил Бельтера, когда он мне бывал нужен. Мы составляли кодекс, упрощая и приспособлявая к новым условиям нормы, к которым привыкли на Земле. Эти законы действуют до сих пор. Кроме архива, в том же ангаре помещались зал собраний и библиотека.

Обе железные дороги — от шахты и от глиняного карьера — работали нормально, завод выполнял наши заказы. Жизнь кипела! Деревня напоминала скорее оживленный земной городок, чем одинокое селение на неведомой планете.

Выпали первые здешние дожди — грозовые ливни, затянувшиеся дней на десять. Настали первые темные ночи, пока еще очень короткие.

У членов Совета вошло в привычку собираться для полуофициальных бесед в деревенском доме моего дяди либо у него же в доме при обсерватории, который к тому времени отремонтировали. Там мы встречали Вандаля и Массакра, корпевших вместе с Бреффором над изучением гидр, там я видел Мартину, Бёвэна с женой, своего брата, а иногда и Менара, если его удавалось оторвать от вычислительной машины.

Об этих вечерах у меня сохранились самые лучшие воспоминания: именно тогда я по-настоящему узнал и оценил Мартину.

Как-то раз я поднимался к обсерватории в чудесном настроении: в трех километрах от мертвой зоны, уже на почве Теллуса, мне удалось обнаружить на дне ложины первоклассную железную руду. На повороте дороги мне повстречалась Марина.

— А, вот и вы! Я как раз шла за вами.

— Разве я опоздал?

— Нет. Остальные уже собрались. Менар рассказывает о новом открытии.

— И все-таки вы пошли меня встречать?

— Почему бы и нет? Меня это открытие не очень интересует, его сделала я сама.

— Что же вы открыли?

— В общем...

Но в этот день я так ничего и не узнал. Марина вдруг замерла, в ее глазах появилось выражение ужаса.

Я обернулся: гигантская гид-

ра пикировала прямо на нас! Я толкнул Мартину и шлепнулся наземь рядом с нею. Гидра промахнулась. По инерции она пронеслась еще метров сто и только тогда стала делать разворот. Я вскочил на ноги. Рядом в скале была расщелина. Я силой втолкнул туда Мартину и заслонил ее своим телом. Прежде чем гидра выбросила жало, я выстрелил пять раз подряд; должно быть, пули попали в цель, потому что чудовище заколебалось в воздухе и отлетело немного назад. У меня оставались еще три пули и нож, длинный финский нож, отточенный, как бритва. Гидра повисла напротив нас, ее щупальца извивались, словно пиявки, шесть глаз смотрели на меня тускло и зловеще. Я понял: сейчас она метнет жало. Выпустив последние три пули, я нагнул голову и с ножом в руке бросился к чудовищу. Мне удалось проскользнуть между щупальцами и ухватиться за одно из них. Боль от ожога была ошеломляющая, но я повис на гидре всем телом; она метнула жало в Мартину, промахнулась от моего толчка и расщепила роговое острие о скалу. Прижавшись к боку гидры, я кромсал ее финкой. Что было после, я уже плохо помню. Помню свою нарастающую ярость, помню лохмотья омерзительного мяса, хлещущие меня по лицу, потом почему-то земля ушла у меня из-под ног... падение... удар — и все.

Очнулся я в доме дяди. Надо мной хлопотали Массакр и мой брат. Руки мои вздулись, левую сторону лица колело.

— Как Мартина? — прошептал я.

— С ней все в порядке, — ответил Массакр. — Легкое нервное потрясение. Я дал ей снотворное.

— А со мной?

— Ожоги, вывих левого плеча. Вам повезло. Гидра отбросила вас метров на десять — и ни одного серьезного ушиба, если не считать плеча! Кусты смягчили удар. Плечо я вам вправил, пока вы были без сознания, это вас и привело в себя. Недельки две придется полежать.

— Целых две недели? Я только что нашел железную руду...

Дверь распахнулась настежь, и в комнату ворвался Мишель. Он бросился ко мне с протянутой рукой, но, увидев мои забинтованные лапы, остановился.

— Доктор, что с ним?

— Пустяки!

— Ах, старина, старина! Если бы не ты, моей сестры уже не было бы...

— А ты что хотел, чтобы я позволил сожрать Мартину этой летающей пиявке только потому, что она ошиблась в выборе пищи? — пытался я пошутить. — Кстати, гидра убита?

— Убита? Гм. Да ведь ты искромсал ее на ремни! Дружище, не знаю, как мне тебя благодарить...

— Не тревожься! На этой планете у тебя еще будет возможность оказать мне подобную же услугу.

— А теперь дайте ему уснуть, — прервал нас Массакр.

Все покорно направились к выходу. Когда Мишель был уже в дверях, я попросил его прислать ко мне завтра Бельтера.

Вскоре я забылся беспокойным сном, который продолжался несколько часов. Проснулся совершенно обессиленный, но зато без малейших признаков лихорадки. Потом опять мирно заснул

и проспал почти до следующего полудня. Лицо и руки болели уже куда меньше. Рядом с моей кроватью сидя спал Мишель.

— Он не отходил от тебя всю ночь, — сказал мой брат, появляясь в дверях. — Как самочувствие?

— Лучше. Как ты думаешь, когда я смогу встать?

— Массакр сказал, что через два-три дня, если лихорадка не повторится.

Внезапно из-за его спины выскользнула Мартина с подносом, на котором стоял фыркающий кофейник.

— Завтрак для Геркулеса! Доктор разрешил.

Она поставила поднос, помогла мне сесть, подсунув за спину подушки, и быстрым поцелуем коснулась моего лба.

— Вот вам награда, пусть хоть маленькая! Подумать только: если бы не вы, я бы сейчас была бесформенным трупом. Брррр!

Она потрясла Мишеля за плечо.

— Проснись, братец! Тебя ждет Луи.

Мишель, позевывая, встал, осведомился, как я себя чувствую, и ушел вместе с Полем.

— Луи тоже обещал зайти. А теперь, Геркулес, я вас покормлю.

— Почему Геркулес?

— Как почему? Сражаться врукопашную с гидрами!..

Она покормила меня с ложки, словно ребенка, потом дала чашку кофе.

— Вкусно! — похвалил я.

— Польщена. Я ведь сама готовила. К тому же кофе считается теперь лекарством. Мне пришлось обратиться за ним в Совет, представляете?

— Боюсь, придется от кофе отвыкать. На Теллусе вряд ли найдутся кофейные деревья. Но это еще полбеды, а вот как быть с сахаром?

— Ба! Найдем и здесь какой-нибудь сахаронос! А не найдем — в деревне остались улья. Будем есть мед, как в старину.

— А цветы? На нашем осколке Земли их достаточно, зато на теллусийских растениях не нашли ни одного цветка.

— Поживем — увидим. Я ведь оптимистка. Из миллиарда миллиардов у нас был всего один шанс уцелеть, а мы уцелели!

Стук в дверь прервал наш разговор. Это явились неразлучные Ида и Анри.

— Пришли взглянуть на героя! — сказала Ида.

— Хм, герой... Когда тебя загонят в угол, поневоле станешь героем.

— Не знаю, — вступил в разговор Анри. — Я бы, наверное, позволил себя съесть.

— Ты просто на себя клеветешь! Впрочем, я вызвал тебя не для этих разговоров. Возьми двух людей и разведай поподробнее рудное месторождение. Принеси образцы. Если месторождение окажется стоящим, постарайся сразу наметить удобную трассу для железной дороги. Но не забывай про гидр: оказывается, они не всегда летают стаями... Возьми с собой человек десять охраны и грузовик. А у вас, Ида, как дела?

— Начала систематизировать ваши декреты. Мне интересно: прямо на глазах зарождаются новые законы. Но ваш Совет... Вы присвоили себе диктаторские полномочия!

— Надеюсь, это временно. А пока иначе нельзя. Что нового в деревне?

— Луи в ярости. Он нашел наблюдателей, которые пропустили вашу гидру. Они оправдываются: говорят, гидра была одна.

— Вот негодяи!

— Луи кричит, что их надо расстрелять.

— Ну, это уж слишком.

Через несколько дней мне рассказали, чем кончилось дело: розоеев просто выгнали из охраны и приговорили к двум годам работы на шахте. Постепенно я поправился, и все вошло в нормальную колею.

Мы проложили к рудному месторождению железную дорогу и построили примитивную домну.

Первая плавка, несмотря на все знания Этранжа, прошла кое-как. Настоящего коксующегося угля у нас не было, поэтому чугун получился неважный, но все же мы переварили его в сталь. Из полученного металла отлили рельсы и вагонные скаты. Возле рудника построили каменные убежища от гидр, а кабины паровозиков переделали так, чтобы в них можно было запереться наглухо.

Погода оставалась прежней и больше всего походила на очень теплую весну. «Черные ночи» постепенно удлинялись. Мой дядя и Менар на внешних орбитах открыли пять планет. На ближайшей к нам обнаружили атмосферу и облака. Сквозь их разрывы можно было наблюдать моря и материки. Спектроскоп показал наличие кислорода и водяных паров. Наша соседка была примерно такого же размера, как Теллус, и имела два больших спутника. Удивительно, как глубоко сидит у нас в душе страсть без конца расширять свои владения! Даже мы, несчастные крохи человечества, не уверенные и в завтрашнем дне, обрадовались, когда узнали, что рядом с нами есть планета, где когда-нибудь смогут жить люди.

Недалеко от рудника для пробы распахали около гектара теллусийской целины. Почва оказалась легкой, хорошо удобренной перегноем сероватых трав. Решили засеять ее различными сортами пшеницы, несмотря на протесты крестьян, которые твердили, что сейчас для сева «не время». Мишелю пришлось целых полдня втлковывать им, что на Теллусе нет обычных времен года, а потому сеять или жать всегда «время», и лучше это делать сейчас, чем потом.

Когда началась пахота, мы снова столкнулись с плоскими змеями вроде той, что нашли во время первой разведки. Но та была дохлой, а этих пришлось убивать. Крестьяне прозвали их «гадюками», хотя с земными гадюками у них не было ничего общего. Их нельзя назвать ядовитыми, но они достаточно опасны: мощные полые зубы впрыскивают в жертву необычайно сильный пищеварительный сок. Он разжижает ткани, вызывая своего рода гангрену, и если помощь не оказать немедленно, дело может кончиться смертью. К счастью, эти злобные и ловкие твари попадались нечасто. Одна укусила быка, который тут же подох, а другая — человека. Оказавшиеся на месте Вандаля и Массакр немедленно наложили жгут и ампутировали пораженную ногу.

Вслед за растениями Теллус начали осваивать земные насе-

комые. Первыми были крупные рыжие муравьи, название которых я позабыл. Неподалеку от рудника Вандаль нашел целый муравейник. Муравьи с жадностью пожирали смолку, сочившуюся из серых растений, и размножались с удивительной быстротой. К тому времени, когда на опытном поле показались первые зеленые всходы, они уже кишели везде, легко справляясь с маленькими «насекомыми» Теллуса, которые тщетно пытались бороться с пришельцами.

Это были дни мира и тишины. Постепенно мы преодолевали даже то, что казалось непреодолимым. Месяцы шли за месяцами. Мы собрали первый урожай, обильный на «земных» полях и просто великолепный на распаханном участке Теллуса. Пшеница акклиматизировалась на славу. Стада множилось, пастбищ пока хватало. Земные растения, по-видимому, были сильнее местных, и вокруг уже появлялись пятна смешанных степей. Странно было видеть, как наши знакомые травы окружают какой-нибудь пыльно-серый кустик с цинковыми листьями.

Лишь теперь на досуге я смог поразмыслить о самом себе. Сразу после катастрофы мной овладела растерянность, граничащая с отчаянием; я знал, что навсегда разлучен с друзьями, испытывал ужас перед неведомой планетой, населенной чудовищами. Затем необходимость немедленных действий полностью захватила меня, и теперь я с удивлением замечал, что от прежних настроений не осталось и следа. Мной овладела радостная и неутомимая страсть первооткрывателя.

Однажды по дороге к обсерватории я заговорил об этом с Мартиной; теперь она и Мишель бывали там лишь изредка, посвящая большую часть своего времени «общественным работам» и обучению молоденького пастуха Жака Видаля, у которого оказались блестящие способности. Впоследствии Видадь стал крупным ученым и, как вы знаете, был избран вице-президентом Республики. Но не будем забегать вперед.

— Подумать только! — говорил я Мартине. — Когда мой кузен Бернар хотел взять меня в межпланетный рейс, я отказался наотрез, сказав, что вначале должен кончить институт, но на самом деле просто из страха! Ради какой-нибудь окаменелости я готов был идти хоть на край земли, но от одной мысли о том, чтобы покинуть Землю, испытывал настоящий ужас! А теперь я на Теллусе, и нисколько об этом не жалею. Удивительно, правда?

— Для меня это еще удивительнее, — отозвалась Мартина. — Я работала над диссертацией, в которой доказывала несостоятельность теории изогнутого пространства. И вот на опыте убедилась в ее справедливости!

Мы прошли уже полдороги, когда тревожно завывла сирена.

— Черт, опять эти проклятые твари! Скорей в убежище!

Такие убежища от гидр стояли теперь почти всюду. Мы припустились бегом, не думая о самолюбии, хотя на этот раз у меня, кроме ножа и револьвера, был с собой автомат. Заставив Мартину войти внутрь, я остался на пороге, приготовившись стрелять. Вдруг передо мной появилась черная фигура кюре.

— Ах, это вы, мосье! Откуда летят гидры?

— Наверное, с севера. Сирена дала только один сигнал.

Высоко над нами появилось зеленое облачко. Совсем рядом с ним вспушли черные клубочки — разрывы ракет.

— Недолет! Ого, а вот это уже лучше!

Следующий зал угодил прямо в середину стаи, и через несколько секунд на землю начали падать клочья зеленого мяса. Оставив дверь полуоткрытой, я нырнул в убежище: даже после смерти гидры кожа ее причиняет жестокие ожоги.

Внутри Мартина беседовала с кюре, поглядывая в окошко с толстым стеклом.

Внезапно она позвала меня:

— Жан, скорее сюда!

Я бросился к окошку: к нам со всех ног бежал мальчик лет двенадцати, а за ним гналась гидра. До убежища оставалось еще метров полтора. Несмотря на смертельную опасность, мальчишка, видимо, не растерялся: он бежал зигзагами, умело используя деревья, которые мешали его преследователю. Вся эта сцена мелькнула передо мной, как при вспышке молнии; в следующее мгновение я уже был снаружи. Гидра набрала высоту и теперь пикировала.

— Ложись! — закричал я.

Мальчик понял и прижался к земле; гидра промахнулась. Я дал по ней очередь. Чудовище подскочило в воздухе и снова развернулось для нападения. Я вскинул автомат. После второго выстрела ствол заклинило. В чехле у меня был запасной ствол, но поставить его я бы не успел. Отбросив автомат, я выхватил револьвер. Гидра приближалась.

И тогда мимо меня, пытая, пронесся наш толстячок кюре в своей развевающейся сутане. Так быстро он, должно быть, не бегал ни разу в жизни. Когда гидра спикировала, кюре успел прикрыть малыша своим телом и принял на себя смертоносный укол. За эти секунды я, наконец, сменил ствол и выпустил несколько очередей. Мертвое чудовище рухнуло на тело своей жертвы.

Я огляделся: других гидр поблизости не было. С трудом освободил я труп кюре. Мартина легко подняла мальчугана, потерявшего сознание, и мы пошли к деревне. Жители опасливо отпирали забаррикадированные изнутри двери. Мальчик очнулся, и, когда его передали матери, он уже мог идти сам.

На площади у колодца нам повстречался мрачный Луи.

— Скверный день, — сказал он. — У нас двое убитых.

— Трое, — поправил я и объяснил, кто третий.

— Жаль. Признаться, я не люблю кюре, но этот погиб смертью храбрых. Надо похоронить всех троих с почестями.

— Делай как хочешь, им-то это уже безразлично.

— Нужно поднять настроение остальных. Многие в панике, несмотря на то, что мы сбили тридцать две гидры.

Если бы гидры нападали ежедневно, я не знаю, чем бы все это кончилось. Но, к счастью, до самой великой битвы они больше не появлялись, люди постепенно пришли в себя, и нам даже приходилось время от времени устраивать нагоняй слишком беспечным наблюдателям.

IX. ЭКСПЕДИЦИЯ

К тому времени, когда был разработан план экспедиции, мне стало ясно, что я люблю Мартину. Каждый вечер мы с ней

поднимались к дому моего дяди обедать. Я делился с Мартиной своими замыслами, и она мне давала немало полезных советов.

От вечера к вечеру мы становились все ближе друг другу, и однажды, уж не помню как, перешли на «ты». А в один из вечеров, когда Мишель ожидал нас на пороге дома, мы появились перед ним рука об руку. С лукавой усмешкой он простер руки над нашими головами и торжественно произнес:

— Дети мои, в качестве главы семьи даю вам свое благословение!

Смутившись, мы переглянулись.

— Что такое? Может быть, я ошибся?

Мы ответили одновременно:

— Спроси у Мартины!

— Спроси у Жана!

И все трое покатались со смеху.

А на следующий день на заседании Совета я изложил давно задуманный план экспедиции.

— Сумеете ли вы, — обратился я к Этранжу, — переделать грузовую машину в своего рода легкий броневик с дюралеевой броней и башней для станкового пулемета? При исследовании Теллуса без этого не обойтись.

— А для чего вообще нужно такое исследование? — вмешался Луи.

— Очень нужно. Ты знаешь, сырья у нас в обрез. Железной руды едва хватит на пару лет, и то, если мы будем экономить. Нас окружают болота и степь, искать рудные выходы здесь очень сложно. Нам надо добраться до гор. Кстати, там мы, может быть, найдем и леса. Наших деревьев надолго не хватит, а древесина нужна. Может быть, мы встретим полезных животных, может быть, отыщем уголь — кто знает! А может быть, найдем такое место, где нет гидр. Вряд ли они улетают далеко от своего болота!

План экспедиции был утвержден единогласно. Этранж дал рабочим указания приступить к переделке грузовика.

Мы заново перебрали весь мотор, всю ходовую часть, и в моем распоряжении оказалась достаточно мощная боевая машина, которой не страшны никакие гидры. Горючего нам должно было хватить на четыре тысячи километров, запаса продовольствия — на двадцать пять дней. Во время испытаний грузовик легко шел по дороге со скоростью шестидесяти километров в час, но по пересеченной местности нужно было рассчитывать самое большее на тридцать.

Тем временем я продолжал подбирать экипаж. У меня уже был список на шесть человек:

Начальник экспедиции и геолог — Жан Буна.

Заместитель начальника — Бреффор.

Зоолог и ботаник — Вандаль.

Штурман — Мишель Соваж.

Геологоразведчик — Бельтер.

Механик и радист — Поль Шэффер.

Последний, бывший бортмеханик, был другом Луи.

Я не знал, кого взять седьмым. Мне хотелось пригласить Масакра, но тому нельзя было отлучаться из деревни, ведь его помощь могла понадобиться в любой момент. Оставив незакон-

ченный список на столе, я куда-то вышел, а когда вернулся, внизу смелым почерком Мартины было приписано:

Санитарка и повариха — Мартина Соваж.

Сколько мы с Мишелем ни бились, нам не удалось ее отговорить. В конечном счете я был даже рад, когда Мартина заставила меня сдаться: она была сильна, смела, превосходно стреляла, и, кроме того, я был уверен, что в нашем «броневике» нам, в сущности, нечего опасаться.

И вот настало утро голубого дня, когда мы заняли свои места. Я сел за руль, Мишель и Мартина рядом со мной, Шэффер, Вандаль и Бреффор вылезли на крышу, а Бельтер забрался в башню к пулемету; со мной он был связан телефоном. Перед отъездом я убедился, что водить машину, исправлять обычные поломки и стрелять из пулемета может каждый из нас.

Я был взволнован, счастлив и распевал во всю глотку. Мы проехали мимо развалин замка; потом вдоль полотна узкоколейки по новой, едва намеченной дороге, выбрались к руднику. Дружески помахав рабочим, мы двинулись дальше, в степь, по серой теллусийской траве.

Сначала то здесь, то там еще попадались земные растения, но вскоре они исчезли. Через час последняя колея, самая крайняя точка, до которой мы доезжали во время наших разведок, осталась позади. Перед нами лежали неизведанные края.

Легкий западный ветерок волновал траву. Почва была твердой и удивительно ровной. Серая степь расстилалась вокруг, насколько хватал глаз. На юге плыли редкие белые облачка, «обыкновенные облака», как заметил Мишель.

— В каком направлении мы едем? — спросил он, раскладывая на планшете свои штурманские приборы.

У Теллуса оказался такой же постоянный магнитный полюс, как у Земли, и наши компасы действовали превосходно, с той лишь разницей, что здесь северный конец стрелки указывал на юг.

— Сначала прямо на юг, потом на юго-восток. Так мы, надеюсь, обогнем болото. Потом прямо к горам.

В полдень мы остановились и первый раз позавтракали «под сенью грузовика», как выразился Поль Шэффер, — сенью скорее воображаемой, чем реальной. Хорошо еще, что дул слабый ветерок.

Мы весело попивали вино, когда трава рядом с нами вдруг зашевелилась и оттуда выскочила огромная гадюка. Не дав нам опомниться, она ринулась вперед и впилась... прямо в левую переднюю шину грузовика. Та тотчас начала оседать с характерным шипением.

— А, чтоб тебя! — выругался Поль, прыгнул в кабину и выскочил обратно с топором в руках.

— Не испортите ее, прошу вас! — закричал Вандаль, но Поль не обратил внимания; одним ударом рассек змею, да так, что лезвие топора ушло в почву по самую рукоятку.

— Должно быть, эта добыча показалась ей суховатой, — проговорил Мишель, пытаясь разжать челюсти гадюки.

Но для этого понадобились клещи. Размонтировав шину, мы убедились, что желудочный сок этой твари обладал невероятной силой: резина уже сморщилась, а корд вокруг прокола растворился бесследно.

— Прошу прощения, — сказал Мишель, поворачиваясь к останкам гадины. — Я не знал, мадам, что вы можете перерабатывать каучук!

К концу третьего дня пути мы проехали уже шестьсот пятьдесят километров и заметно приблизились к горам. Местность менялась: теперь вокруг были цепи холмов, вытянутые с юго-запада на северо-восток.

Уже вечерело. Мы остановились у подножия красноватого глинистого холма. Захватив автомат, я вылез из грузовика и отправился прогуляться. Шел я не торопясь, поглядывал время от времени на небо и раздумывал над тем, можно ли применять на Теллусе законы земной геологии. Когда я уже склонялся к положительному ответу, мне почудилось в воздухе что-то странное, необъяснимое, но очень знакомое. Я остановился. Передо мной расстиралось небольшое маслянистое болотце со скудной растительностью: пучки ржавой травы лишь кое-где торчали из воды, затянутой радужной пленкой. От неожиданности я чуть не подскочил: от болотца тянуло нефтью!

Я приблизился. Там, где оно слегка вдавалось в берег, на поверхность вырывались пузырьки газа. От огня зажигалки они легко вспыхивали, но это еще ничего не доказывало, — обыкновенный болотный газ тоже горит. Но радужная пленка... По всем признакам здесь была нефть, и, очевидно, на незначительной глубине.

Тщательно отметив на маршрутной карте это место, мы двинулись дальше, огибая с юга цепь холмов. Они не поднимались выше восьмисот метров.

Сразу за холмами перед нами предстала могучая горная гряда со снеговыми вершинами. Центральная была особенно хороша! Ее гигантские размеры поражали глаз. Черная, как ночь, под ослепительной снежной шапкой, она походила на огромный конус с геометрически правильными очертаниями. Мы назвали ее пик Тьмы.

Мишель сделал прикидку, быстро вычислил его высоту и даже присвистнул от удивления:

— Ого! Не меньше двенадцати тысяч семисот метров!

— Двенадцать? Значит, это выше Эвереста на...

— Да, на три километра с лишним.

Мы двигались к подножию черного великана, как вдруг перед нами возникло почти непреодолимое препятствие. Местность резко пошла под уклон, и внизу на дне широкой долины мы увидели реку. Берега ее покрывали древовидные растения; из всего, что нам до сих пор попадалось, ничто еще так не походило на наши земные деревья.

Но как переправиться через реку? Не очень широкая, всего метров двести, она была глубока и стремительна, с черной жуткой водой. В память о родном крае я назвал ее «Дордонь». Гидры вряд ли могли обитать в ее быстрых водах, но на всякий случай следовало держаться настороже.

Мы двинулись вверх по течению, надеясь отыскать подходящее место для переправы, и к вечеру неожиданно достигли истоков реки: глубокая и полноводная, она вытекала из-под известнякового обрыва, поросшего кустарником. Нелегко было провести машину по этому скалистому мосту, заваленному

крупными обломками и пересеченному рывтинами, но в конце концов нам это удалось. По противоположному берегу мы спустились немного ниже и повернули опять к пику Тьмы. Он одиноко возвышался на равнине далеко впереди остальных гор.

Широкие потеки застывшего вулканического стекла, обсидиана, спускались к самому подножию горы. К одному из них я подошел, даже не подозревая, что меня ждет. Куча обсидиановых осколков лежала на выступе. Один из них чем-то привлек мое внимание. Казалось, он был искусно обколот по форме лаврового листа...

Точно такие же наконечники для стрел изготавливали на Земле наши далекие предки в доледниковую эпоху.

Х. ССВИСЫ

Я поздравил всех и показал свою находку.

— Может быть, это игра природы? — спросил Мишель.

— Но взгляни на форму, на отделку. Это точная копия наконечника каменного века.

— Значит, — продолжал Мишель, — следует предположить, что на Теллусе есть люди?

— Не обязательно, — ответил Вандаль. — Разум может существовать и в иных формах, не похожих на наши. До сих пор животный мир на Теллусе ничем не напоминал земную фауну.

— А может быть, это сделали... люди с Земли?

— Не думаю. На Земле я знал всего нескольких человек, способных обрабатывать камни доисторическим способом. Чтобы сделать такой наконечник, нужно большое умение, а оно достигается лишь годами практики, можешь мне поверить! Но как бы то ни было, надо быть настороже.

Так мы и сделали. Я проверил фары и прожектор, вмонтированный во вращающуюся башенку. Ночной караул решили удвоить. Первыми встали на пост мы с Мишелем: он поднялся в башню, а я сел на переднее сиденье, просунул в амбразуру ствол автомата и, разложив под рукой магазинные коробки, вызвал Мишеля по телефону:

— Знаешь, давай переговариваться время от времени! Чтобы не заснуть.

— Договорились.

Странный оглушительный крик, похожий на трубный рев слона, прозвучал в темноте совсем близко от нас. Он закончился жутким, режущим нервы свистом. Наверное, такие голоса были у гигантских ящеров Вторичной Эры. Неужели мы забрались в царство тиранозавров?

— Ты слышал? — прошептал Мишель в телефон.

— Еще бы!

— Что за чертовщина! Включить свет?

— Тебе жизнь надоела?

Странный вопль прозвучал снова, на этот раз ближе. При слабом свете Селены я различил за стеной деревьев какую-то огромную массу. Она шевелилась! Сдерживая дыхание, я вставил обойму в магазин. Щелчок затвора показался мне оглуши-

тельным. Чуть слышно скрипнула, разворачиваясь, башня. Мишель наверняка тоже заметил «это» и наводил пушку. Потом стало так тихо, что я уловил даже похрапывание Вандаля. Я уже раздумывал, не поднять ли всех по тревоге, когда темная масса двинулась и вышла из-за деревьев. В полумраке я различил зубчатую горбатую спину, короткие толстые лапы и плоскую длинную голову с рогами.

Что-то странное в походе чудовища привлекло мое внимание. Лишь с трудом я понял: у зверя было шесть лап! Длинною метров двадцать пять — тридцать, он достигал пяти-шести метров в высоту. Я тронул пальцем предохранитель, проверяя, сдвинут ли он, но стрелять не решился; нервы были слишком напряжены, и я боялся, что очередь пойдет мимо.

— Смотри! — прошептал я. — Приготовься, но не стреляй. Чудовище зашевелилось. Оно шло на нас. Голова с разлапистыми рогами блестела при лунном свете. Чуть извиваясь и почти волоча длинное туловище, зверь вошел в тень деревьев, и я потерял его из виду. Это были страшные минуты! Когда зверь снова появился на открытом месте, он был уже далеко и вскоре совсем исчез в ночной темноте. Облегченное «уф-ф-ф!» послышалось в телефонной трубке.

— Осмотрись вокруг, — приказал я Мишелю.

По скрежету педалей я понял, что он выполняет приказ. Вдруг до меня донесся приглушенный возглас.

— Иди сюда! — позвал Мишель.

Я поднялся по крутой лесенке в башню и кое-как втиснулся между Мишелем и пулеметом.

— Смотри прямо, там, вдалеке!

Вечером до наступления темноты мы заметили в той стороне обрывистую скалу. Теперь там мерцали огоньки, которые временами заслоняли какие-то тела.

— Костры! В пещерах! Вот где живут наши мастера каменного века!

Словно загнипнотизированные, мы не отрывали глаз от этого зрелища. Так нас и застал восход красного солнца.

Проснулся Вандаль и никак не мог успокоиться.

— Почему вы нас не разбудили? — досадовал он. — Подумать только, я не видел это животное!..

— С вашей стороны это просто нечестно, — поддержала его Мартина.

— Мы об этом подумали, — оправдывался я, — но пока чудовище было рядом, я боялся сумятицы, а потом... потом оно ушло. Ну ладно, теперь мы с Мишелем поспим, а вы, Вандаль и Бреффор, становитесь на пост. Смотрите в оба! Стреляйте только в случае крайней необходимости. Но если уж придется, не стесняйтесь! Когда взойдет Гелиос, разбудите меня.

Но поспать удалось не больше часа. Трескотня выстрелов и резкий толчок тронувшегося грузовика заставили меня спрыгнуть с койки, и тут же мне на голову свалился Мишель.

— Что случилось? Почему мы едем?

— Стенной пожар. Трава горит.

— В кого вы стреляете?

— В тех, кто поджигает степь. Смотрите, вот они!

Над верхушками высоких трав быстро двигались фигуры, отдаленно похожие на человеческие.

— Всадники?

— Нет, кентавры.

И словно для того чтобы оправдать меткость определения Вандаля, одно из этих созданий появилось метрах в ста перед

нами на открытом участке. С первого взгляда оно действительно походило на легендарных полулюдей-полуконей: горизонтально поставленное тело на четырех высоких тонких ногах, а спереди вертикальный, почти человеческий торс с двумя длинными руками и лысой головой. «Кентавр» был рослый, около двух метров. Его коричневая кожа лоснилась, как индийский каштан, только что очищенный от скорлупы. В одной руке он держал связку каких-то палок. Вдруг «кентавр» бросился к нам и, схватив палку правой рукой, метнул ее в грузовик.

— Дротик! — воскликнул я с удивлением.

Копье воткнулось в землю в нескольких метрах перед грузовиком и затрещало под колесами. В то же мгновение из глубины грузовика донесся отчаянный крик:

— Скорее! Скорее! Огонь догоняет нас!

— Мы и так выжали все, что можно, — ответил я. — Огонь близко?

— Метрах в трехстах. Ветер гонит его за нами!

Мы продолжали мчаться вперед. «Кентавры» исчезли.

— Как все произошло? — спросил я Мартину.

— Мы разговаривали о чудовище, которое вы видели ночью. Вдруг Бреффор сказал Вандалю, что сзади загорелись костры! Едва он успел договорить, примерно сотня этих созданий бросилась к нам, размахивая копытами. У некоторых, по-моему, были даже луки. Мы начали отстреливаться и поехали.

— Огонь настагает! — прокричал Бельтер.

Подхваченные ветром искры обгоняли грузовик, зажигая все новые очаги, которые приходилось объезжать.

— Попробуй прибавить газу, Поль!

— Выжал до конца. Шестьдесят в час. Если полетят полуоси...

— Налево, Поль, налево! — перебил его Бреффор. — Там голая земля.

Поль Шэффер резко свернул, и через несколько мгновений мы оказались на широкой полосе рыжеватой сухой глины, лишенной всякой растительности. Горы были уже близко, и Гелиос поднимался над ними. Грузовик остановился.

Наше положение значительно улучшилось: вокруг в радиусе десятка километров простиралось пустынное пространство, на котором наше оружие представляло грозную силу. Копья и стрелы не могли причинить нам вреда; единственным уязвимым местом бронированного грузовика были шины. Стена пламени постепенно окружала наш остров, обтекая его слева. Впереди, спасаясь от огня, катилась живая волна странных зверей самых причудливых форм размерами от землеройки до крупной собаки. Некоторых Вандаль ухитрился поймать. У них было по шесть лап и от трех до шести глаз.

Справа огонь натолкнулся, очевидно, на влажную растительность и начал угасать. Слева пламя ушло далеко вперед. Вот оно достигло густой рощи, и деревья, яростно треща, запылали, словно облитые бензином. Раздался ужасающий рев. Огромная туша вырвалась из чащи и, раскачиваясь на ходу, ринулась к нам. Это было ночное чудовище или его собрат. Оно остановилось метрах в пятистах от грузовика. Теперь я смог разглядеть его подробнее.

Общими очертаниями зверь походил на динозавра, только шестиногого. Его зубчатый хребет заканчивался длинным хвостом, усаженным шипами. Тело покрывала сверкающая зеленая чешуя. На вытянутой морде длиной метра в четыре торчал целый ряд рогов, на голове было еще два разветвленных рога и три глаза: один спереди и два по бокам. Когда шестиногий ящер обернулся, чтобы лизнуть ожог на боку, я увидел его фиолетовую пасть с огромными острыми клыками и длинный красный язык.

В тот же миг рядом с ящером появилось десять «кентавров», вооруженных луками. Стрелы посыпались на чудовище. Оно повернулось и бросилось на своих врагов. Те увертывались с поразительной ловкостью; движения их были стремительны и грациозны, а скоростью они превосходили лучших рысаков. И это их спасало, потому что чудовище оказалось на диво подвижным. Захваченные зрителем сказочной охоты, мы только смотрели, не решаясь вмешиваться. К тому же стрелять было невозможно: охотники вихрем кружились вокруг дичи. Я уже хотел было отдать приказ подъехать ближе, когда один из «кентавров» вдруг поскользнулся, мгновенно был схвачен и растерзан у нас на глазах.

— Вперед! Оружие к бою!

Мы двинулись к ящеру на средней скорости, чтобы можно было в случае необходимости сманеврировать.

Как ни странно, мне кажется, что «кентавры» нас заметили лишь тогда, когда мы были от них всего в сотне метров. Они тотчас перестали осыпать ящера стрелами и собрались группами по трое. По мере того как мы приближались, «кентавры» отходили, оставляя нас лицом к лицу с разъяренным чудовищем. Нужно было во что бы то ни стало избежать столкновения с ним: огромный ящер мог просто раздавить грузовик.

— Огоны! — скомандовал я.

Чудовище нападало. Автоматные очереди и бронебойные пули тяжелого пулемета уже не могли его остановить. Шэффер яростно крутанул руль налево. Мне почудилось, что шестиногий динозавр скользнул куда-то правее, и в то же мгновение боковая броня прогнулась от страшного удара его хвоста. Башня развернулась молниеносно; пулемет продолжал строчить. Чудовище сделало еще рывок, споткнулось и рухнуло замертво. «Кентавры» наблюдали за нами издалека.

Гигантский ящер не шевелился. Сжимая автомат, я вышел из грузовика вместе с Мишелем и Вандалем. Мартина хотела последовать за нами, но я запретил.

Едва мы сделали несколько шагов, как «кентавры» бросились на нас с пронзительным, свистящим кличем: «Сви-и-и! Сви-и-и!» Затрещал автомат и тут же умолк: очевидно, заклинило патрон. Пулемет из башни дал всего два одиночных выстрела: нападающие были слишком близко. Теперь мы стреляли в упор. Меткая очередь скосила сразу трех «кентавров», еще двое, по видимому, были ранены и повернули назад. Остальные продолжали атаковать, осыпая нас дождем стрел, к счастью летевших мимо. Вдруг кто-то обхватил меня сзади, оторвал от земли и понес. Кисти мои были притиснуты к бокам, и револьвер бесполезно болтался в левой руке. Я слышал за спиной выстрелы, но даже не мог обернуться. Ветер свистел в ушах, сухая земля звенела под копытами моего похитителя.

Я понимал, что медлить нельзя. Отчаянным усилием мне удалось на миг разжать объятия своего противника и высвободить правую руку. Перехватив револьвер, я нащупал дулом голову существа, которое меня уносило, и выстрелил пять раз подряд; страшный толчок швырнул меня на землю.

Когда я приподнялся, «кентавры» были метрах в трехстах, а с другой стороны ко мне на полном ходу приближался грузовик. Его автоматы и пушка почему-то молчали. Почти не надеясь на спасение, я бросился навстречу машине. Я задыхался, в боку у меня колело, а галоп преследователей слышался все ближе и ближе за спиной. Мишель, высунувшись из люка башни, делал мне отчаянные знаки.

— Стреляйте! — закричал я. — Почему не стреляете?

И только тут понял: друзья боятся попасть в меня. Я бросился наземь, повернувшись лицом к врагу: в револьвере осталось еще три пули. И в то же мгновение первые очереди пронесли над моей головой, срезав разом десяток преследователей. Ошеломленные «кентавры» остановились; лишь двое продолжали скакать ко мне. Я уложил их двумя выстрелами.

Заскрипев тормозами, грузовик остановился возле меня. Дверца открылась, я одним прыжком вскочил внутрь и захлопнул ее за собой. Стрелы забарабанили по броне, царапая плексиглас смотровых окон; одна из них влетела прямо в бойницу и впилась, дрожа, в спинку сиденья. Пришлось снова открыть огонь, и только тогда уцелевшие «кентавры» бежали. Поле боя осталось за нами.

— Ну, старина, ты счастливо отделался! — поздравил меня Мишель. — Какого черта ты не лег раньше?!

— Теперь-то легко рассуждать!.. Потерь нет?

— Вандалю во время схватки попала в руку стрела. Рана пустяковая... если только стрела не отравлена.

Мы с Мишелем и Вандалем вылезли из грузовика, чтобы рассмотреть чудовище, а заодно и трупы «кентавров», оставшихся на месте схватки. Удивительные создания эти «кентавры», или, как мы называли по их боевому кличу, сввисы; кстати, они называют себя так же. У них цилиндрическое тело с коротким чешуйчатым хвостом. На руках по шесть пальцев неравной длины; два из них противостоят. Голова круглая и безухая: уши заменяют перепонки, закрывающие внутренние слуховые раковины. Три глаза светло-серого цвета; средний, самый большой, расположен посередине лба. Широкий рот вооружен острыми, как у ящера, зубами; нос, длинный и мягкий, спускается почти до самых губ.

Вандаль наскоро произвел вскрытие одного «кентавра». У него оказался большой развитый мозг, защищенный, помимо черепа, хитиновой оболочкой, и гибкий, но достаточно прочный костяк.

В вертикальном торсе у них расположены два мочушника легких и сердце с четырьмя отделениями; желудок, кишки и прочие внутренние органы занимают горизонтальную часть тела. Кровь густая, оранжевого цвета.

— У этих существ много общего с людьми, — сказал в заключение Вандаль. — Они пользуются огнем, делают луки, облачивают камни; короче — это разумные создания. Какая жалость, что наше знакомство началось так печально!

Действительно, у «кентавров», кроме оружия — луков или дротиков с искусно обточенными обсидиановыми наконечниками, — было даже нечто вроде одежды: вокруг верхней части туловища они носили широкие пояса из растительных волокон тончайшего плетения, с большими карманами, в которых оказались самые разнообразные орудия из обсидиана.

Мы связались по радио с Советом. На вызов ответил мой дядя. Я рассказал ему о встрече со сввисами и об открытии нефти. Он, в свою очередь, поделился новостями: последние дни гидры все время пролетают над «земной» территорией, но не нападают. Ракеты сбили уже штук пятьдесят. Я предупредил Совет, что мы намерены продвинуться дальше на юго-запад. Грузовик был в отличном состоянии, у нас еще оставалась почти половина горючего, вдоволь продуктов и боеприпасов. Пока мы проехали тысячу семьдесят километров.

Покинув поле сражения, мы двинулись дальше. Вскоре нам встретилась еще одна река, которую мы называли «Везер». Она была меньше Дордони и местами суживалась до пятидесяти метров. Однако переправиться оказалось нелегко, так как те-

чение было стремительное и глубина порядочная. И все же мы ее пересекли, но об этой переправе я до сих пор не могу вспоминать без дрожи.

Поднимаясь вверх по реке, мы доехали до водопада: здесь Везер низвергался с уступа почти тридцатиметровой высоты. Осмотрев местность, я решил, что этот уступ и скалы на берегу возникли в результате геологического сброса. Несколькими километрами выше нам посчастливилось найти подходящий для машины пологий спуск, и грузовик осторожно съехал к самой реке. А что делать дальше? И тут в голове Мишеля зародилась отчаянная мысль.

— Смотри! — сказал он, показывая на широкий плоский утес, выступавший из воды метрах в десяти от берега, и еще три таких же огромных камня, расположенных почти в одну линию с перерывами в пять-шесть метров между ними. — Вот быки моста. Остается положить настил!

Я уставился на него с открытым ртом.

— Настил? Из чего?

— Здесь рядом я видел деревья высотой от десяти до двадцати метров. У нас есть топоры, веревки, гвозди. Найдутся и кусты, достаточно гибкие для связок.

— А тебе не кажется, что это немного рискованно?

— А вся наша экспедиция не рискованна?

Бреффору план Мишеля показался выполнимым.

— Конечно, придется попотеть, — сказал он. — Впрочем, было и хуже.

Свалив и очистив от ветвей стволы деревьев, мы грубо обтесали их, потом грузовик отбуксировал бревна метров на пятьдесят выше водопада. Теперь нужно было занести конец одного бревна на первый утес. Я ломал себе голову, как это сделать, когда увидел, что Мишель быстро сбрасывает одежду.

— Надеюсь, ты не собираешься перебираться вплавь?

— Собираюсь. Дай мне конец веревки. Я нырну здесь, и течение снесет меня прямо на камни.

— С ума сошел!

— Не бойся. В университете я был чемпионом по плаванию — сто метров за пятьдесят восемь и четыре сотых секунды. Скорее, пока сестра не видит! Я-то не боюсь, а ей волноваться незачем.

Войдя в воду, Мишель устремился к середине реки и, отплыв метров на десять от берега, отдался во власть течения. Мы с Бреффором держали веревку, второй ее конец опоясывал Мишеля. В нескольких метрах от утеса пловец бешено заработал руками и ногами, борясь с потоком, который увлекал его к пропасти, ухватился за выступ, одним толчком подтянулся и встал на камень.

— Бррр!!! Водичка-то холодная! — заорал Мишель, стараясь перекричать грохот водопада. — Привяжите мою веревку к одному концу бревна, а ко второму — еще одну и спускайте потихоньку. Вот так, так... Держите крепче, не давайте бревну плыть вниз!

Огромная балка уткнулась одним концом в камень, а другим, который удерживали мы, заскребла по мелководью. Не без труда занесли мы свой конец на берег, потом Поль, Бреффор и я переправились к Мишелю.

Вчетвером мы вытащили другой конец бревна на огромный камень и укрепили стальными скобами. Первая балка моста была проложена.

Чтобы проложить вторую, пришлось проделать все сначала. К вечеру мы поставили третью. Ночь прервала работу. Я устал, Мишель и Поль измучились основательно, и только Бреффор был еще довольно свеж. Вместе с ним я встал на первую вахту, до полуночи. Во вторую смену дежурили Вандадь и Бельгер, в третью уже после восхода Соля — одна Мартина.

Еще четыре дня ушло на то, чтобы положить настил. Наша стройка имела самый живописный, хоть и странный, вид. Погода стояла ясная, чуть прохладная, воздух был по-молодому свеж и прозрачен. В день, когда работа подходила к концу, во время полуденного завтрака я откупорил пару бутылок старого вина, которое вдохнуло в нас безграничный оптимизм. Расположившись на серой траве подле грузовика, мы благодушно смаковали последнее сладкое блюдо, когда в воздухе засвистели стрелы. К счастью, никто не был ранен, только шина грузовика оказалась пробитой. Схватив автомат, я припал к земле и начал щедро поливать очередями ближайшую полосу деревьев. Пули достигли цели. Из-за деревьев выскочила группа свисов и обратилась в бегство.

Уже не так весело — ведь все могли погибнуть! — поспешили мы доделать настил, и Поль сел за руль. Грузовик осторожно въехал на мост. Наверное, ни один инженер, даже построивший величайший в мире виадук, не испытывал такой гордости, как мы, и... такого облегчения, когда, наконец, перебрались на противоположный берег.

День закончился без происшествий. Перед закатом я наметил маршрут на завтрашний день. Мы решили ехать прямо на юг, держа курс на гору, которая хотя и была много ниже пика Тьмы, но все же достигала в высоту добрых три тысячи метров. В полночь — была моя очередь дежурить — я заметил на вершине этой горы светящуюся точку. Что это, вулкан? Но огонек скоро погас. Истина предстала передо мной, когда он снова зажегся, но теперь много ниже, на склоне. Световая сигнализация! Я оглянулся. Позади, на холмах по ту сторону реки, вспыхивали ответные огни. Не в силах скрыть беспокойства, я поделился своими наблюдениями с Мишелем.

— Приятного мало, — согласился он. — Если свисы объявят всеобщую мобилизацию, нам придется худо, несмотря на превосходство вооружения. Ты заметил, что они не боятся огнестрельного оружия? Да и боеприпасов у нас маловато...

— И все же я хочу добраться до этой Сигнальной горы. Ведь только там можно найти руды. Мы делаем быстрый рейд.

Утром, сменив проколотую стрелой шину, мы двинулись в путь. Местность незаметно повышалась, потом стала холмистой, изрезанной ручьями, через которые машина не всюду могла пройти. В одной маленькой долине я заметил в скалах зеленоватые прожилки: это был гарнирит, довольно богатая никелевая руда. Долина оказалась настоящей рудной сокровищницей. К вечеру у меня уже были образцы никеля, хрома, кобальта, марганца, железа, а главное — великолепного каменного угля, мощными

слоями выходявшего прямо на поверхность. О такой удаче можно было только мечтать!

— Здесь будет наш металлургический центр, — сказал я.

— А сввисы? — возразил Поль.

— Будем жить, как американские пионеры геронческих времен. Почва здесь, по-видимому, плодородная. Начнем распахивать целину, добывать руды и сражаться, если потребуется. Во всяком случае, здесь нет гидр — мы их не видели ни разу, и это одно стоит всего остального.

— Да будет так! — согласился Мишель. — Да здравствует Кобальт-сити! Но как мы перегащим сюда все наше оборудование и машины?

— Как-нибудь перевезем. Сначала надо запастись нефтью, а это не так-то просто.

Мы свернули на север, потом на запад. В шестидесяти километрах от долины я обнаружил залежи бокситов.

— Да ведь здесь сущий рай для геологов! — не выдержала Мартина.

— Нам повезло, — отозвался я и, уже думая о своем, добавил: — Надеюсь, повезет и дальше...

Все это утро я ломал голову над задачей: нельзя ли как-нибудь заключить союз со сввисами? Вероятно, здесь обитает множество враждующих между собой племен. Нельзя ли привлечь хоть часть сввисов на нашу сторону? Но прежде всего нужно завязать с «кентаврами» какие-то иные отношения.

— Если снова столкнемся со сввисами, — проговорил я, обращаясь ко всем, — надо захватить хотя бы одного живым.

— Это еще зачем? — удивился Поль.

— Попробуем узнать язык сввисов или научим их нашему. Это может пригодиться.

— Вы полагаете, что ради такого опыта стоит рисковать жизнью? — осведомился Вандаль, хотя сам только и мечтал о подобной возможности.

На следующий день мы остановились из-за неполадки в машине. Пока Поль возился с механикой, на наших глазах произошла короткая схватка между тремя красно-коричневыми сввисами, которых мы уже встречали, и десятком других, меньшего роста, с черной блестящей кожей. Красные защищались отчаянно и уложили пять нападающих, но сами пали под градом стрел.

Я дал по победителям очередь из автомата; трое черных сввисов упали, остальные обратились в бегство. Тогда я вышел из-за деревьев, которые нас скрывали. Один красный сввис попробовал подняться, но тут же упал.

— Послушайте, Вандаль, постарайтесь его спасти! — попросил я.

— Сделаю, что могу, — сказал Вандаль, осмотрев сввиса, — ранения, кажется, легкие.

Сввис лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и только по тому, как ритмично поднималась и опускалась его грудь, можно было понять, что он жив. Вандаль начал извлекать стрелы. Ему помогал Бреффор.

(Окончание следует.)

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

Рисунки Н. ГРИШИНА

Во время операции сввис ни разу не шевельнулся, лишь короткая дрожь временами пробегала по его телу. Бреффор наложил повязки, на которых быстро проступили желтые пятна. Потом мы перенесли раненого в грузовик — сввис был не очень тяжел, килограммов семьдесят, как определил Мишель, — и уложили на импровизированную кушетку из трав и одеял. Все это время сввис не открывал глаз. Зато когда машину починили и завели мотор, он заволновался и... впервые заговорил. Это был поток шелкающих, странно ритмичных слогов. Сввис пытался встать, и нам пришлось удерживать его вчетвером, так он был силен. Постепенно пленник успокоился, и мы его отпустили. Я захотел пить и налил себе стакан воды. Приглушенный возглас Вандаля заставил меня обернуться: наполовину приподнявшись, сввис протягивал руку.

Окончание. Начало см. в № 4, 5.

— Он просит пить, — сказал Вандаль.

Тогда я решил сделать опыт. Наполнив стакан, я произнес: «Вода!» Свисс понял и сказал: «Вода». Он взял стакан, недоверчиво осмотрел его и выпил воду.

Я показал ему пустой стакан. Он повторил за мной: «Такан». С такой же легкостью мы справились со словами «пить» и «спать».

Потом я ударил себя в грудь: «Я». Скопировав мой жест, свисс произнес: «Взлик». Что это было, перевод местоимения «я» или его имя? Подумав, я рассудил, что второе, пожалуй, вернее. Но тогда он решил, что меня зовут «Я»!

Постепенно опыт все усложнялся.

— Вода пить?

Он ответил:

— Взлик спать.

Мы разинули рты. Это существо было наделено невероятной сообразительностью! Мне хотелось продолжить урок, но Вандаль напомнил, что свисс ранен и, наверное, измучен. И правда, наш пленник, повторив еще раз: «Взлик спать», — вскоре уснул.

Вандаль сиял.

— Если они все такие способные, мы скоро передадим им многое из нашего опыта.

— Пожалуй, — согласился я с кислой миной. — А через пятьдесят лет они будут на нас охотиться с ружьями! Впрочем, так далеко нечего заглядывать. Ясно одно: если мы с ними договоримся, они будут бесценными союзниками.

— По-моему, это будет нетрудно, — вмешался Бреффор. — Ведь мы спасли ему жизнь!

— Ну да, одному спасли, а больше десятка перестреляли. И, может быть, даже его соплеменников.

— Но ведь они напали первыми.

— А мы вторглись на их земли. И если они объявят нам войну... В общем надо заботиться о нем получше. В нашем положении ничем нельзя пренебрегать.

Я перебрался вперед. Мишель вел машину. Мартина сидела рядом с ним.

— Заночуем здесь, — предложил я.

Мы остановились.

Подложив под голову свернутую палатку, я растянулся на земле лицом к небу, где сверкали уже знакомые нам созвездия.

— Это еще что? — спросил вдруг Бельтер, обратив наше внимание на странный силуэт, возникший в лунном свете. Все движения зверя, быстрые, упругие, гибкие, говорили о том, что это хищник. Несмотря на сравнительно небольшой рост — около полутора метров, — чувствовалось, что он невероятно силен. Я показал его свису. Тот сразу заволновался, залопотал, делая вид, будто натягивает лук, потом показал на наше оружие, повторяя одно слово: «Бизир! Бизир!» Я понял, что зверь опасен, и торопливо вставил магазин в автомат. Все остальное произошло с ошеломляющей быстротой. Первым прыжком зверь преодолел метров тридцать пять. И снова взвился над землей, устремляясь прямо на нас. Мартина вскрикнула. Все остальные вскочили. Я дал очередь, не целясь, и промахнулся. Еще одна очередь, и снова впустую — я зря израсходовал все патроны.

Растянувшийся возле меня Мишель быстро сунул мне новый магазин.

— В машину скорее! — крикнул я, нажимая гашетку.

Бельтер, Мартина, Вандаля и Мишель нырнули в кузов, втащив за собой свиса.

Из грузовика навстречу чудовищу пронеслась трассирующая очередь двадцатимиллиметровки. Должно быть, она достигла цели, потому что хищник остановился. Вскочив в кузов, я хлопнул дверцу.

Внезапно Мишель отшатнулся с отчаянным воплем:

— Держитесь!

Страшный удар потряс машину. Броня затрещала прогибаясь. Меня отбросило на Вандаля, а сверху всей тяжестью своих восьмидесяти пяти килограммов рухнул Мишель. Пол затрясся, и я уже думал, что он проломился. Пулемет смолк, свет погас. Мишель с трудом поднялся и зажег карманный фонарик.

— Мартина! — позвал он.

— Я здесь, в башне. Все кончено.

Труп хищника лежал, привалившись к грузовику. Наверное, он умер в последнем прыжке, на лету. Его изуродованная голова была отвратительна.

— Как все произошло? Мартина, ты должна была видеть!

— Очень просто. Когда ты вскочил в грузовик, зверь прыгнул. Я угостила его как следует.

— Скажу вам одно, — проговорил Бельтер, поставив ногу на поверженного зверя. — Если вокруг Кобальт-сити водится много таких созданий, мы с ними хватим горя. Какие прыжки! И какая живучесть! А вы посмотрите на клыки, — продолжал он, осматривая хищника.

— Зато ума у него, пожалуй, немного, — заметил Вандаля. — Даже непонятно, где может уместиться мозг в таком плоском черепе.

Я повернулся к Мартине и поздравил ее:

— Ловко ты справилась с пулеметом!

— Тут не моя заслуга, а Мишеля. Это он научил меня стрелять.

Короткая красная ночь прошла без тревог. Наутро мы решили переправиться через реку. Для этого пришлось соорудить большой плот. На его постройку ушло целых шесть дней.

Здесь мы впервые отведали теллусийского мяса; небольшое животное, сильно уменьшенная копия «слонов», которые приходили на водопой, поставило нам вырезку на жаркое. Из осторожности мы съели по маленькому кусочку, так как опасались отравления. По вкусу мясо напоминало телятину. Почти поправившийся к этому времени Взлик поглощал его с явным удовольствием. Никаких желудочных болезней не последовало, и с этого дня мы все время разнообразили наше меню. Зато попробовать плоды с деревьев, сваленных для плота, мы так и не решились, хотя Взлик уписывал их за обе щеки. Он уже начал ходить и, казалось, совсем привык к нам. Накопленный запас французских слов позволял ему выражать простейшие мысли.

Переправа прошла благополучно. Сняв с плота веревки и вы-

ташив гвозди, мы двинулись вниз по течению. Я отметил, что река повсюду довольно глубокая, без отмелей и перекатов.

Жизнь кипела на берегах. Мы встречали многочисленные стада «слонов», иногда видели голиафов. Два раза вдалеке появлялись «тигрозавры». Это название, придуманное Бельтером для хищника, который на нас напал, так за ним и осталось, несмотря на протесты Вандала, уверявшего, что у зверя нет ничего общего ни с тигром, ни с ящером.

Почва становилась все более неровной; низкие холмы заставляли нас то и дело искать объезды. Перевалив последний подъем, мы почувствовали в воздухе терпкий солоноватый запах.

— Море близко, — сказал Бельтер.

Вскоре мы увидели его. Оно было темно-зеленое, бурное. Дул западный ветер, и волны, увенчанные пеной, с ревом обрушивались на берег.

Мы съехали вниз и остановились на пляже, усеянном гранитной гнейсовой галькой. Вандаля выскочил из машины первым, горя нетерпением исследовать морское побережье, этот рай биологов. Здесь в лужичках кишели тысячи невиданных существ! Одни приближались к земным формам, другие совершенно ни на что не походили.

Скоро Шэффер обнаружил за гнейсовым барьером изолированную заводь. Вода в ней была так прозрачна, что можно было все камешки пересчитать, а единственными ее обитателями оказались маленькие ракушки да несколько водорослей. Мы плескались, как дети!

Взлик долго смотрел на нас, потом влез в воду. Плыл он странно, по-змеиному изгибая тело и почти не шевеля ногами, но довольно быстро. Потом мы поехали дальше.

Через некоторое время побережье стало скалистым, и нам опять пришлось свернуть в глубь материка. Так случайно мы открыли озеро. Его юго-западный берег был низким, а с востока простиралась цепь скал и холмов. Густые заросли темной рамой окаймляли водяную гладь, чуть сморщенную рябью; вода при лунном свете переливалась и фосфоресцировала.

Мишель сменил меня на посту. Я настолько устал, что заснул мгновенно, а когда открыл глаза, мне показалось, что спал всего несколько секунд. Однако сквозь окна уже просачивался свет голубой зари.

— Сейчас вы увидите зрелище, достойное богов, — прошептал Мишель.

Мы вышли и не смогли сдержать крик восхищения. Озеро лежало перед нами густо-синее с прозеленью, как толща льда на леднике, в пурпурно-золотой оправе. Прибрежные скалы оказались изумительного красного цвета, а деревья, трава и кустарник играли всеми оттенками желтизны, от платинового сплава до червонного золота. Лишь кое-где в этой гамме виднелись зеленые пятна, а холмы на востоке, над которыми вставал Гелиос, розовели, словно затопленные цветущим вереском.

— Волшебное озеро! — вздохнула Мартина. — В жизни не видела ничего прекраснее!

— «Волшебное озеро» — неплохое название, — заметил Мишель.

Мы ехали весь день и всю ночь. Когда занялась голубая заря, до нашего земного островка оставалось километров сто, но мы хотели обследовать ближайшие окрестности и рассчитывали вернуться в деревню только к вечеру. Неожиданный вызов по радио спутал все планы.

— Накануне гидры убили троих людей и двух быков. Теперь они пикируют поодиночке и летают над самой землей, где ракеты не могут причинить им никакого вреда. Положение критическое, — передал Луи.

— Я думаю, что лучше бы покинуть этот клочок земли, — ответил я. — Вдали от болот мы не встретили ни одной гидры.

Из приемника отчетливо донесся вой сирены.

— Это не так-то просто, но если... Ну вот, снова летят! Не отключайся! — сказал Луи. — Постараюсь держать вас в курсе. Может быть...

Серия оглушительных взрывов помешала ему договорить, потом послышались выстрелы. Обеспокоенный, я начал вызывать. Послышался задыхающийся голос Луи:

— Спешите! Их тут самое малое тысячи три! Попытайтесь приехать до темноты.

— Луи, мы будем в деревне часа через два, — проговорил я в микрофон. — Держитесь!

— Вы так близко? Нам повезло.

— А где мой дядя?

— Заперся в обсерватории вместе с Менаром, им там ничего не грозит. Твой брат с инженерами в седьмом убежище. У них ручной пулемет, и, похоже, они им неплохо действуют.

Мы добрались до рудника без происшествий. Здесь не было ни души. Через секунду дверь одного убежища приоткрылась, и кто-то помахал нам рукой. Мишель подвел машину вплотную: только тогда я узнал мастера Жозефа Амара.

— Где остальные?

— Уехали на поезде. Они переделали его в бронепоезд и взяли все оружие. Я остался, чтобы вас предупредить. Из Совета звонили, сказали, что вы должны подехать.

— Лезьте к нам.

Амар уставился на Взлика вытаращенными глазами:

— А это еще что за товарищ?

— Туземец. Потом всё узнаете.

Через десять минут до нас начали доноситься взрывы, и, наконец, мы увидели деревню. Все окна и двери были забаррикадированы. Гидры сидели на крышах многих домов или совсем низко летали над улицами. Бронепоезд стоял на «вокзале».

— Поль, подъезжай к паровозу, — приказал я.

Рудокопы поработали на славу. Вокруг вагонов на земле валялось около сотни вздувшихся дохлых гидр.

— Черт возьми, каким образом вы столько насбивали? — крикнул я.

Машинист — это оказался Бирон — прокричал в ответ:

— Мы их шпарим кипятком. Вот еще пожаловали, сейчас

увидите! — Бирон просунул в бойницу шланг с медным нако-
нечником и деревянной ручкой.

Чудовища были уже метрах в тридцати и мчались с большой
скоростью. Внезапно навстречу им ударила струя кипящей воды
и пара, сразу сбив штук двенадцать. Остальные рассеялись.

— Видели? — крикнул Бирон. — Проще простого! Мы бы
уложили куда больше, сообрази я в первый раз подпустить
их поближе. Сплоховал, а теперь они вроде побавляются.

— Хорошая выдумка, она сбережет немало пуль. Надо будет
усовершенствовать ваше изобретение. Я доложу Совету, и, ду-
маю, вам вернут политические права. Сейчас мы едем в деревню.
В каком доме Луи Морьер?

— Наверное, на почте.

По дороге к площади гидры нас не тронули, и мы спокойно
доехали до почты. Крыша ее казалась сплошной шевелящейся
зеленой массой. Гидры словно замерли, вцепившись щупальцами
в черепицу и глупо тараща глаза. Мы стали тщательно целить-
ся, стараясь сразу поразить нервные центры гадин. Через не-

сколько минут нам удалось снять с почты ее вторую, живую кровлю. Луи выскочил из дома и прыгнул в грузовик.

— Что нового? — спросил я.

— С вашим приездом дело пошло, но эта мерзость проникла в три дома. Убито еще человек двенадцать. Среди них Альфред Шарнье и Маделина Дюшер. Телефонная линия повреждена где-то между почтой и заводом. Постарайтесь ее восстановить, а то неизвестно, что там творится. Я останусь здесь.

Луи вернулся в дом, а мы поехали вдоль телефонной линии. Вот и место обрыва. Захватив кусок медного провода, я выскочил из грузовика. Едва я начал сращивать оборванные концы, над моей головой залаял пулемет. Гидры неслись ко мне. Пользуясь старым приемом, я бросился плашмя на землю, а когда они проскочили мимо, быстро влез в машину. Мне пришлось дважды возобновлять эту опасную игру.

Восстановив связь, мы приступили к очистке крыш. Начали с площади, и через час здесь все было кончено. Затем грузовик двинулся по главной улице. Едва мы сделали первые выстрелы, как гидры, словно по сигналу, поднялись в небо, собрались в облако и скрылись.

В тот же вечер собрался Совет. Нас осталось всего семь человек, так как кюре и Шарнье погибли. Я сделал краткий отчет об экспедиции и представил Совету Взлика. Затем Луи рассказал о том, что произошло в наше отсутствие. Главной проблемой была новая тактика гидр. Теперь они прилетали ночью, затаивались в кустах или кронах деревьев и оттуда внезапно нападали на прохожих. Люди боялись выходить из домов и передвигались только вооруженными группами.

— По радио ты предложил переселиться, — вспомнил Луи. — Я целиком «за», но как это сделать? Если переезжать на грузовиках, не хватит горючего, а пешком невозможно.

— Я предлагаю корабль.

— А где ты его возьмешь?

— Надеюсь, Этранж сумеет сделать нам чертежи. Достаточно будет маленького грузового судна. Наша территория подходит вплотную к морю. Морем мы доберемся до устья Дордонн. Реку я исследовал: она судоходна на всем протяжении.

— Каким образом будет двигаться судно? — спросил дядя.

— Поставим паровую машину или большой дизель с завода. Хотя горючее... Черт, если бы у нас было оборудование для буровой, я мог бы проверить, глубоко ли здесь нефть.

— Оборудование есть, — сказал вдруг Этранж. — Полный комплект. Когда проектировали вторую плотину и бурили пробные скважины, весь инструмент остался на заводском складе. Как раз перед самой катастрофой я получил письмо: изыскатели хотели забрать оборудование, но так и не успели.

— Ну, знаете, нам, кажется, повезло куда больше, чем всем Робинзонам, вместе взятым!

— Кстати, среди моих людей трое когда-то работали на Аквитанских нефтяных промыслах.

— Тогда все в порядке. Мы приступим к разведке завтра. Надеюсь, все согласны переселиться из этих мест?

— Надо проголосовать, — сказала Мария Прэль. — Я понимаю, здесь оставаться трудно, но отправиться в сторону этих,

этих... — она кивнула на Взлика, который молча прислушивался к разговору. — Нет, надо голосовать!

— О, с ними, я думаю, мы сговоримся, — возразил Мишель. — Впрочем, давайте проголосуем, так будет лучше.

Когда развернули бумажки, служившие нам бюллетенями, два голоса оказались «против» — Мария Прэль и учитель, остальные — «за».

Через несколько дней мы отправились на разведку нефти. Как я и предполагал, нефть оказалась неглубоко: мы дошли до нее, пробуравив скважину всего в восемьдесят три метра. Не без труда наполнили мы цистерну наскоро оборудованного нефтевоза и отправили его в деревню, где уже сооружалась установка для перегонки нефти. Несмотря на всю свою примитивность, она дала вполне приемлемый бензин.

Я пробыл на буровой два месяца. Взлик совершенно выздоровел и приехал ко мне; он делал удивительные успехи во французском языке, и мы болтали с ним, как земляки.

Каждый вечер я связывался по радио с Советом. Чертежи судна были уже готовы, завод приступил к изготовлению отдельных частей, но жить в деревне становилось день ото дня страшнее. Гидры нападали непрерывно, бороться с ними было трудно, и мы потеряли еще семнадцать человек и большое количество скота.

К концу второго года пребывания на Теллусе наш первый корабль отправился в пробное плавание. Он хорошо принимал волну, однако его крейсерская скорость не превышала шести узлов.

Мишель и Бреффор совершили рейс до окрестностей Кобальт-Сити; они взяли с собой семена земных трав, чтобы к тому времени, когда мы перевезем скот, на месте уже было достаточно привычного для животных корма. С ними поплыл и Взлик, которому мы поручили переговоры с его племенем. Перед отплытием он открыл нам одну интересную подробность: оказывается, в Дронну впадает узкий, но довольно глубокий приток, который протекает всего километрах в тридцати от облюбованного нами места.

Тем временем мы построили баржу с небольшой осадкой, ее можно было вести на буксире. И вот началось великое переселение: на юг отплыл первый караван. На судне было семьдесят пять человек, оружие, инструменты, рельсы, листы дюраля и стали. Я был капитаном. Мишель и Мартина — моими помощниками. На баржу мы погрузили заводской паровозик, разобранный подъемный кран и горючее.

На море стоял штиль. Но я успокоился только тогда, когда «Победитель» — так мы окрестили своего первенца — дошел до устья Дордони.

Мы двинулись вверх по течению. Члены экипажа, кроме Мишеля и нас с Мартиной, еще не сталкивались с животным миром Теллуса, если не считать гидр.

Легко представить, с каким изумлением смотрели они на невиданных зверей. Как-то вечером одному тигрозавру удалось перепрыгнуть с берега прямо на палубу и ранить двоих людей, прежде чем его расстреляли в упор из пушки. А когда мы были уже недалеко от устья Дронны, по берегу галопом промчались

два сввиса. Несколько минут спустя впереди поднялись три столба дыма: условный сигнал Взлика.

Он ожидал нас на мысу у слияния двух рек. Около пятидесяти сввисов его племени, построившись клином, стояли метрах в ста позади.

«Победитель» застопорил машины, но якорь мы не бросали, опасаясь всяких неожиданностей.

— Поднимайся к нам, — предложил я.

Взлик бросился в воду и взобрался на борт по пассажирскому трапу. В этот момент механик высунулся из люка машинного отделения и разинул рот:

— Неужели нам придется жить с этими чудаками?

Взлик повернулся и ответил:

— Не бойся, они хорошие.

Механик был ошеломлен.

— Вот это да! Он говорит по-французски?!

Его поведение меня удивило, но потом я вспомнил, что жители деревни видели сввиса лишь мельком.

— Ну как? — спросил я. — Что вы ответите на наши предложения?

— Мы выбрали мир. Мы даем вам Сигнальную гору, по-нашему — Несса, даем всю землю между Везером, Дордонью и Дронной до Неведомых гор, по-нашему — Босер. За нами остается право прохода через эти земли. Взамен вы даете нам железо, сколько понадобится, и будете помогать нам в борьбе с черными сввисами, или сслвидами, с тигрозабрами и голиафами. Вы можете проходить через наши земли и рыть в них свои ямы, но не охотиться. Для этого нужно спрашивать разрешение у Совета племени.

— Мы согласны, — сказал я. — Только железо дадим не сразу. Понадобится время, чтобы его добыть.

— Знаем. Я рассказал сввисам, как вы его достаете из земли. Совет вождей хочет вас видеть.

— Хорошо, идем.

Мы спустили на воду ботик и сели в него втроем: Взлик, Мишель и я.

Четыре хороших гребка, и ботик ткнулся носом в берег. Дюжина сввисов приблизилась, разглядывая нас. Нам казалось, что все они совершенно похожи друг на друга и, если Взлик смешается с остальными, мы уже не сможем его найти. Позднее, по привыкнов к их виду, мы, конечно, легко отличали знакомых сввисов от незнакомых.

Взлик в нескольких словах передал, что мы приняли все условия. В залог дружбы я вручил каждому по отличному стальному ножу, какой уже был у Взлика. Судя по всему, подарок им понравился, но ни одна черточка не дрогнула на их лицах.

Мы вернулись на судно вместе с Взликом и медленно двинулись вверх по течению. Там, где Изель — так я назвал этот приток, показанный нам Взликом, — изгибается широкой излучиной, нам пришлось остановиться: дальше начинались пороги. Здесь река образовала спокойную заводь. Я решил, что лучшего места для порта не сыскать.

Весь следующий день мы валили деревья для постройки при-

стани. Через неделю она была готова. Уложив рельсовый путь, приступили к самой сложной операции — выгрузке подъемного крана. Даже в разобранном виде он был невероятно тяжел. Нам не удалось избежать несчастья: около полудня молодой рабочий Леон Белльер поскользнулся и был раздавлен упавшей на него балкой. Мы похоронили юношу и в память о нем назвали эту бухту Порт-Леон.

Когда кран встал на место, работать стало легче.

Мишель принял от меня команду судном, и «Победитель» уплыл, а оставшиеся шестьдесят человек приступили к постройке бревенчатого форта. Бригада дорожников сразу же начала укладывать рельсы железнодорожной ветки длиной в пятьдесят километров, которая должна была связать Порт-Леон с Кобальт-Сити.

Мы успели уложить четыре километра пути, использовав весь запас рельсов, когда «Победитель» вернулся с новым грузом.

Нам доставили большое количество горючего, рельсов и маленький экскаватор. На судне прибыло также пятьдесят рабочих. С третьим рейсом приплыли первые семьи, женщины с детьми.

Несколько коров и овец, которых мы выпустили на участок, засеянный земными травами, чувствовали себя хорошо. По вечерам их загоняли в хлев при форте, опасаясь тигрозавров.

Мы строили для переселенцев временные хижины из расчета двух комнат на семью. Холостяки — их, кстати, становилось все меньше и меньше — жили в общежитии.

Железнодорожная ветка росла с каждым днем. И вот пришел день, когда дорога дошла до долины, где должна была вырасти наша столица. К тому времени в «земной» деревне осталось всего человек полтора: в основном это были рабочие, разбивавшие под руководством инженеров заводское оборудование. С ними был мой дядя и Менар: зная, что перевезти обсерваторию невозможно, они тщательно законсервировали все здания до тех пор, пока у нас появятся более совершенные транспортные средства.

Разумеется, мы не могли взять с собой большой телескоп, но два других, поменьше, мы все-таки сумели увезти.

В памяти у меня остались самые светлые воспоминания о днях новоселья. Наши дома, построенные наполовину из бревен, наполовину из дюрала, стояли по склонам долины в живописном беспорядке. Многочисленные животные бродили вокруг, но среди них не было ни тигрозавров, ни голиафов; чаще всего мы видели мирных травоядных или мелких хищников, напоминавших наших лисц или кошек. Кстати сказать, земные деревенские кошки размножились необычайно и очень помогали нам, уничтожая маленьких грызунов, покушавшихся на посевы.

Мы начали добывать цемент из мергелевого известняка ближайших скал и в первую очередь построили завод в трехстах метрах от выходов каменного угля. Как только прибывали станки, их немедленно устанавливали на подготовленные места. Скоро завод заработал.

В этот день я женился на Мартине. Свадьба была очень простой, чисто гражданской, потому что ни я, ни она не верили в бога. И это была не первая свадьба на Теллусе: Белльер и

Ида поженились в Кобальт-Сити на два месяца раньше нас. Ссвисы прислали целую делегацию с подарками. Взлик рассказал им, что я больше всего люблю камни, и передо мной высыпал целую кучу всевозможных камней, среди которых оказалось

несколько прекрасных кристаллов и кусок превосходной медной руды. Последняя меня очень обрадовала. Я спросил, где ее нашли, и ссвисы показали мне место к юго-востоку от пика Тьмы. Месторождение оказалось необычайно богатым.

Мы давно хотели посетить племя Взлика, да все не было случая, а тут свадьба, и мы решили отправиться к ссвисам в «свадебное путешествие». К вечеру мы добрались до пещер. Они были расположены под самым гребнем довольно крутого обрыва, у подножия которого струился ручей.

Взлик заранее предупредил соплеменников о нашем приезде. Нас встретили и провели к вождю племени, очень старому ссвису с зеленоватой от времени кожей. Он лежал на толстой подстилке из сухих трав в большой открытой пещере, все стены которой были покрыты удивительно живыми изображениями голиафов и тигрозавров, пронзенных стрелами. Среди этих изображений, наверняка имевших магическое значение, мы вдруг увидели себя: люди и грузовики были нарисованы очень точно.

Старый Слик — так звали вождя — при виде нас встал и через Взлика обратился к нам со словами приветия. За спиной Слику на каменной стене висело его оружие: большой лук,

стрелы и дротики. На вожде не было никакой одежды, если не считать ожерелья из сверкающих камней.

Я вручил ему нож и стальные наконечники для стрел, а также маленькое зеркальце, которое поразило свсиса больше всего. В продолжение всего ужина он не выпускал зеркальца из рук.

В пещерах царил необычайная чистота. Входы в них довольно плотно закрывались шитами из кож, натянутых на деревянные рамы. Внутри горели светильники, заправленные растительным маслом.

— Культура у них совсем человеческая! — заметила Мартина.

— Ты права. И я даже думаю, что их образ жизни почти ничем не отличается от жизни наших предков в каменный век. Разве что чистоплотностью.

Свсисы очень внимательны к своим женам и проявляют о них заботу, даже удивительную для такого примитивного уровня развития. Женщины-свсиски меньше ростом, более коренасты, и кожа у них светлее, чем у мужчин. Мне показалось, что Взлик и дочь вождя Ссуай знают друг друга более чем хорошо, и это меня искренне порадовало. Если Взлик после смерти своего «тесть» станет вождем племени, наш союз должен упрочиться.

Мы пробыли у свсисов восемь дней. Постепенно я уяснил себе устройство их общества. В отличие от ссвивипов, черных свсисов, коричневые свсисы придерживаются единобрачия. В племени четыре рода с родовыми вождями, роды объединяются только в случае войны или для большой охоты. Все племя состояло из восьми тысяч свсисов, включая женщин и детей. Помимо этого, племя входит в союз, насчитывающий еще десять племен, однако все они собираются вместе лишь в случае особой опасности. Основное занятие свсисов — охота, но они занимаются

также примитивным земледелием. Они умеют коптить мясо и могут, таким образом, делать запасы впрок.

Со всех сторон, кроме северной, племя ссвисов окружают их исконные враги, черные сслипы. Далеко на юге обитают другие племена красных ссвисов. Легенды говорят, что там прародина племени Взлика.

Родственные связи за пределами семьи у ссвисов практически отсутствуют. Живут ссвисы очень долго, по сто — сто десять земных лет, если только не погибают раньше на войне, что, впрочем, случается довольно редко. Ссвисы беззаветно храбры и свято соблюдают верность союзникам. Воровство для них — вещь совершенно неизвестная. С точки зрения интеллекта ссвисы почти ничем не уступают людям и обладают поразительной восприимчивостью. Многие из них стали впоследствии первоклассными рабочими, а кое-кто — выдающимися математиками.

Прошло более двенадцати месяцев по земному времени с тех пор, как мы переселились в Кобальт-Сити. Если мерить старой мерой, мы жили на Теллусе уже пятый год. Менар подсчитал, что это должно соответствовать трем теллусийским годам.

Кобальт-Сити постепенно преображался. Теперь он походил на оживленный город, окруженный полями, на которых колосилась пшеница и «скин» — местный злак ссвисов. В поселке было две с половиной тысячи жителей, своя электростанция, маленькая клиника, где Массакр готовил будущих врачей, и даже зародыш университета, где я тоже преподавал. Земные травы все больше вытесняли в окрестностях теллусийскую растительность, и на ближайших холмах паслись тучные стада.

Мы добывали различные металлы и уголь, полностью удовлетворяя свои нужды.

Одержимый мечтой о дальнейших исследованиях, я заложил в Порт-Леоне верфь, на которой достраивался более быстроходный корабль, чем «Победитель».

Каждые двадцать дней по уже наезженной дороге к Нефтяному источнику отправлялись два нефтевоза. Но скважина быстро истощалась. Впрочем, это меня несколько не огорчало. Я открыл новый нефтеносный район.

Короче говоря, все шло так, что, если бы не случайные встречи со ссвисами на улицах да не два солнца и три луны в небе, можно было бы подумать, что мы вернулись на Землю.

Именно в это время произошло самое значительное событие после нашего прибытия на Теллус.

В тот вечер я поднялся наверх, забыв выключить стоящий в углу приемник. Ночью меня разбудила Мартина:

— Послушай, внизу кто-то разговаривает!

Я подошел к окну, распахнул его, прислушался. Снаружи было темно и тихо. Город спал.

— Тебе, наверное, почудилось, — проговорил я, укладываясь обратно в постель.

— Послушай, вот опять!

Действительно, снизу доносились какие-то звуки.

— Пустое! — пробормотал я уже в полусне и спокойно объяснил полузабытыми земными словами: — Просто я забыл выключить радио...

И тут сон мой как рукой сняло.

— Черт поберни, кто может вызывать в такой час?

Кубарем скатился по лестнице и бросился к приемнику. Лампы горели, но эфир молчал. Через окно я видел небо, усеянное звездами; луна, должно быть, уже зашла. И вдруг из динамика прозвучал голос:

— Here is WA, calling New-Washington... Here is WA, calling New-Washington... *

Тишина. И опять:

— Here is WA...

Звук был очень чистым. Передающая станция находилась, наверное, где-то совсем рядом.

— Слушай! — снова сказала Мартина.

Я замер затаив дыхание. Что-то тихо жужжало.

— Неужели самолет?

Я подбежал к окну. Крохотный огонек медленно полз среди звезд. Метнувшись к аппарату, я начал лихорадочно крутить ручку настройки, пытаюсь найти волну, на которой шла передача.

— WA, WA, who are you?

Кричал я в передатчик, используя все свои познания в английском:

— WA! WA!

Наконец нужная волна найдена.

— WA, who are you? Here New-France! **

Я услышал приглушенный возглас и ответ на великолепном французском языке:

— Говорит самолет WA. Где вы находитесь?

— Прямо под вами. Следите, я зажгу снаружи свет.

Теперь самолет кружил над нашими головами.

— Вижу ваши огни. Ночью сеть невозможно, мы прилетим потом. Сколько вас и кто вы?

— Около четырех тысяч, все французы. А вас?

— В самолете семь, в Нью-Вашингтоне — одиннадцать тысяч американцев, французов, канадцев и норвежцев. Оставайтесь на той же волне. Мы будем вас вызывать.

— Давно в полете?

— Десять часов. Вылетели на разведку. Днем вернемся к вам.

Не в силах усидеть дома, мы бросились будить моего брата, Луи, Бреффора и, наконец, переположили весь город. Новость распространилась молниеносно. Мы едва дождались рассвета.

С утра жители Кобальт-Сити начали готовиться к встрече летчиков. Чтобы не ударить в грязь лицом, мы расчистили обширную площадку с твердой почвой и выложили белую стрелу, указывающую направление ветра. Потом я вернулся к приемнику, у которого дежурила Мартина.

— Ну, что?

— Пока ничего.

— Не могло же нам это присниться?

Два часа прошло в томительном ожидании. Вокруг приемника собралась целая толпа. И вот наконец:

* Говорит WA, вызываю Нью-Вашингтон...

** WA, кто вы? Говорит Новая Франция!

— ВА вызывает Новую Францию! ВА вызывает Новую Францию!

— Новая Франция слушает. Говорите! Прием.

— Мы летим над материком близ экватора. Два мотора отказали. Вернуться, по-видимому, не сможем. Связь с Нью-Вашингтоном прервана. Слышим вас очень плохо. На тот случай, если мы погибнем, вот координаты Нью-Вашингтона: $41^{\circ}32'$ северной широты, $62^{\circ}12'$ западной от вас долготы.

— Где вы находитесь сейчас?

— Примерно на восьмом градусе северной широты и двенадцатом от вас градусе долготы.

— У вас есть оружие?

— Да. Пулеметы на турели и ружья.

— Постарайтесь сесть. Мы вас найдем. У животных, похожих на носорогов, мясо съедобное. Только не ешьте незнакомых фруктов!

— На строгом пайке нам хватит бортовых запасов на тридцать дней. Идем на посадку, третий мотор тоже сдает. Снижаемся на равнину между очень высокими горами и морем. До скорой...

Передача оборвалась. Сдерживая растущую тревогу, мы ждали. Где-то там, за шесть с лишним тысяч километров от нас, семеро смельчаков боролись со смертью. Мы прождали так целый час, и лишь тогда голос снова заговорил:

— Посадка удалась. Самолет серьезно поврежден, но мы все живы. К несчастью, аккумуляторы сильно разряжены. Поэтому будем передавать изредка только позывные, чтобы вы не теряли направления.

Я немедленно выехал в Порт-Леон. «Дерзновенный», маленький кораблик с грузоподъемностью около ста сорока тонн, был уже на плаву. Два мощных дизеля с завода сообщали ему скорость до 25 узлов. Учитывая наши скромные возможности, это был настоящий шедевр кораблестроения!

Команда состояла из двенадцати человек. Штурманом был Мишель, старшим механиком — Бирон.

Мы взяли с собой грузовичок, уменьшенную копию нашего верного «броневика».

Тихим ходом «Дерзновенный» спустился по реке. На выходе из устья Дордони я послал позывные; экипаж самолета коротко отозвался. И в ту же минуту корабль покачнулся на волне: мы вышли в океан.

На четвертый день вдали показалась земля, хотя мы все время шли одним курсом — прямо на юг. По-видимому, материк изгибался на юго-запад, если только это не был какой-нибудь остров. Мы пересекли 32° северной широты. Было жарко, но пока вполне терпимо. Вызвав по радио Кобальт-Сити, я узнал, что, несмотря на все усилия, установить связь с Нью-Вашингтоном пока не удастся.

Берег снова скрылся. Без особых происшествий мы достигли земли, где спустился самолет. По словам летчиков, это был материк, отделенный от нашего широким проливом. Обогнув длинный полуостров, мы пошли вдоль берега.

Наступил уже вечер, когда мы, наконец, доплыли до намеченного пункта: отсюда, по нашим расчетам, до самолета по суше

было ближе всего. Но берег нас разочаровал: деревья поднимались прямо из моря, толпились на илистых топких отмелях, где кишели неведомые гады, а воздух был отравлен невыносимо зловонными испарениями. О высадке не могло быть и речи.

Мы поплыли вдоль побережья, отыскивая местечко погостеприимнее, и через несколько километров достигли устья мутной реки. Несмотря на быстрое течение, нам удалось в него войти и подняться километров на девяносто. Здесь илистые наносы окончательно преградили путь.

Мы привели все наше оружие в полную боевую готовность, удвоили посты наблюдателей. Вокруг на заболоченных берегах шевелились, хлюпали и шипели в тине омерзительные, почти протоплазменные создания. Странные серые или ядовито-зеленые кучи живого студня амёбовидными движениями переползали из лужи в лужу. Мы задыхались от запаха гнили; термометр показывал +48° в тени! Когда настала ночь, берега осветились фосфоресцирующими пятнами разных цветов, размеров и форм, которые медленно передвигались в удушливом мраке.

После долгих поисков мы обнаружили на правом берегу скалистый выступ, на котором, по-видимому, не было живых существ. «Дерзновенный» пристал к нему. Мы пришвартовали судно канатами, вбив в мягкий сланец железные клинья. С борта на берег лег бревенчатый помост, по которому грузовичок осторожно съехал на сушу.

— Кто отправится? — спросил Мишель. — Ты, я и еще кто с нами?

— Ты останешься, — возразил я. — На «Дерзновенном» должен быть кто-нибудь, кто сможет, при случае, довести судно до порта.

Связь с самолетом установили быстро. Узнав, что мы близко от них, американцы завопили от радости.

— У нас всего два литра питьевой воды и ни одной таблетки для стерилизации, — пожаловались летчики.

— Мы доедем за пару часов, — успокоил их я. — Приготовьтесь. Если у вас осталось горючее, зажгите костер: дым будет служить ориентиром.

Я сел за руль, матрос Андре Этьенн встал к турели со спаренными направляющими для ракет. Немного волнуясь, я обнял Мишеля, махнул рукой остальным, и мы тронулись.

ХІ. ФИОЛЕТОВАЯ СМЕРТЬ

Не спуская глаз с компаса, я вел бронированный грузовик на юго-запад. Каменистая полоса тянулась километра два-три, потом пошел мягкий скользкий грунт. Пришлось Этьенну слезть и натянуть на колеса цепи. Несмотря на мое запрещение, он все-таки попытался схватить амёбовидную тварь и обжег руку, словно кислотой. Эти слизняки буквально кишели вокруг.

Мы двигались с трудом, вода фонтанами вылетала из-под колес. К счастью, редкая растительность послушно расступалась перед машиной. Запах тухлых яиц, вызванный гниением этих трав, а может быть, жёлатинообразных существ, преследовал

нас неотступно. Через два часа этой мучительной езды мы увидели, наконец, далеко впереди столб дыма.

Местность начала повышаться, и отвратительные ползучие твари исчезли. На твердом грунте цепи можно было снять, теперь грузовик пошел быстрее. И вот я увидел вдалеке силуэт самолета с поломанными крыльями.

Заметив нас, американцы бросились навстречу машине. Все они, кроме одного, одетого в авиационный комбинезон, были в форме военно-морского флота США. Я открыл заднюю дверцу и впустил их внутрь. Вдвоятером мы еле уместились в маленьком грузовике, но это не помешало бурным излияниям американцев. Они едва не сломали мне пальцы восторженными рукопожатиями!

Самому старшему из них было лет тридцать пять. Как начальник экспедиции, он представил мне остальных, начав с белокурого гиганта, который был выше меня на целую голову: капитан Эллиот Смит. За ним шел коренастый брюнет, капитан Рональд Брюстер. Огненно-рыжего расхлябанного парня звали Дональд О'Хара, он был лейтенантом. У инженера Роберта Уилкинса, тридцатилетнего шатена, быстрые черные глазки так и сверкали из-под широкого нависшего лба с залысинами. Широкоплечий сержант Джон Пари оказался канадцем. Оставался человек в комбинезоне. Указывая на него, американец сказал:

— А это для вас сюрприз: Андре Бирабан, географ и ваш соотечественник.

— Вот это действительно приятная неожиданность! — воскликнул я. — На Земле мне частенько доводилось слышать ваше имя.

— И, наконец, разрешите представиться самому: Артур Джейнс.

В свою очередь, я познакомил всех с Андре Этьенном и сказал:

— А теперь, друзья, надо скорей отправляться в обратный путь. Я возьму с собой четверых; трое и наш матрос останутся и снимут все вооружение. Патронов у вас хватит?

— Полный боекомплект.

— Оружие и боеприпасы заберем следующим рейсом.

Джейнс приказал ехать Смиту, Брюстеру, Бирабану и Уилкинсу, а сам с остальными заперся в самолете. Я посадил Смита рядом: по-английски я объяснялся из рук вон плохо, но, как выяснилось, он довольно прилично знал немецкий язык, которым я владел свободно, и мы могли по дороге поговорить. Я узнал, что Нью-Вашингтон представлял собой кусок территории Соединенных Штатов, угодивший в середину Теллусийского океана. Из шестидесяти пяти тысяч человек у них осталось в живых всего десять тысяч. На новом острове оказался наполовину разрушенный катастрофой авиационный завод, который американцам удалось до какой-то степени восстановить, поля, пригодные для обработки, большие запасы оружия, продовольствия и, что самое странное, довольно много судов: французский легкий крейсер «Сюркуф», американский эскадренный миноносец «Поуп», канадский эсминец и два торговых корабля — норвежское полугрузовое судно и аргентинский танкер.

— Почему же вы только сейчас вылетели на разведку?

— Были дела поважнее. Пришлось хоронить мертвых, расчищать развалины, строить дома. У нас осталось очень мало бензина, который почти весь ушел на заправку самого сохранившегося самолета. А теперь и этот разбился.

— Вы ни разу не слышали наши передачи?

— Нет. А между тем мы обшаривали эфир целый год.

— Странно! Как же вы жили все это время?

— У нас было много консервов, пшеница росла хорошо, мы ловили рыбу. Вот молока у нас не было, — добавил Смит с грустью. — Из-за этого погибло много детишек.

Я, в свою очередь, рассказал ему о наших делах.

Часа в три пополудни мы добрались до «Дерзновенного». Я высадил спасенных людей и немедленно отправился во второй рейс. Если бы я только знал, какая жуткая сцена меня ожидала!

Я уже видел самолет, когда заметил огромную студенистую массу изумительного светло-фиолетового цвета, ползущую с большой скоростью к самолету. По форме она напоминала гигантскую амёбу. Заинтересовавшись, я остановил машину.

В этот момент дверца фюзеляжа открылась, и оттуда выглянул канадец. Он увидел остановившийся грузовичок, помахал рукой и двинулся ко мне навстречу. За ним из самолета вылезли Этьенн, О'Хара и Джейнс.

Я перевел взгляд на чудовище: его роскошная фиолетовая окраска исчезла — теперь оно было матово-серым, округленным и походило на огромный, покрытый плесенью валун. Пари приближался. Предчувствуя какую-то опасность, я двинулся к нему, беспрерывно сигналив. Механик улыбнулся, еще раз помахал мне рукой и ускорил шаг. Я мчался на полном газу! И все-таки опоздал.

Внезапно чудовище снова озарилось фиолетовым светом и ринулось на канадца. Пари увидел его, заметался, потом побежал назад к самолету. И тогда произошло нечто страшное и непонятное: послышался сухой треск, в воздухе мелькнуло нечто вроде синеватой искры, и канадец рухнул наземь. Еще через мгновение он исчез, поглощенный фиолетовым слизняком.

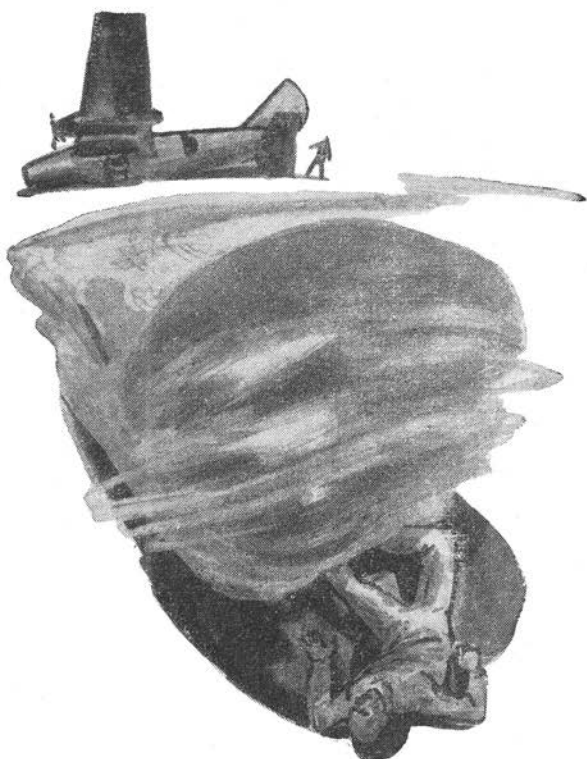
Остолбенев от ужаса, я нажал на тормоза. Чудовище повернуло и приближалось к машине. Я сорвался с сиденья, вскарабкался в башню и лихорадочно закрутил ручки наводки ракетной установки. Снова выскочила синеватая искра, ударив в радиатор. Меня сильно потрянуло. Это не было похоже на удар электрического тока — ледяной холод судорогой свел мое тело. И тут же я нажал кнопку спуска. Обе ракеты нырнули в живую слизь, находившуюся всего в десяти метрах от грузовика. Послышались два глухих взрыва, громкий искровой треск разрядов, и в воздух полетели клочья фиолетового студня. Чудовище скорчилось и замерло.

Я осторожно подбехал ближе. Фиолетовое желе слабо вздрагивало, и последние искорки пробегали в его глубине.

Тем временем подошли остальные.

— What an awful thing! — пробормотал Джейнс и повторил по-французски: — Какая ужасная штука!

— Боюсь, что мы ничего уже не можем сделать для вашего механика, — сказал я. — Разве что похоронить.

Но когда мы разрубили топором сморщенное и ставшее словно деревянным тело этой твари, внутри оказался лишь золотой перстень с печаткой, и больше ничего!

В подавленном настроении мы погрузили два пулемета и вернулись на корабль.

Едва грузовичок оказался на палубе, мы снялись с якоря и немедленно отплыли. Я чувствовал себя куда увереннее, нежели вначале. Отныне я мог передать управление людям, из которых по крайней мере двое действительно знали, что такое корабль.

XII. Я ПОВИДАЛ НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ...

Полностью препоручив техническое командование Джейнсу и его офицерам, мы с Мишелем оставили за собой лишь общее руководство экспедицией. Я отправил радиограмму в Кобальт-Сити, потом по совету Уилкинса попытался связаться с Нью-Вашингтоном. Как ни странно, мне это сразу удалось. Джейнс

коротко доложил обо всем и передал мне благодарность правительства.

Выбравшись из зловонной реки, «Дерзновенный» взял курс на северо-запад. Дул сильный ветер, и наш кораблик низко кланялся волнам, несмотря на протесты кое-чьих желудков.

К ночи море успокоилось, однако мы все же сбавили ход. Я оставил на мостике Смита и лег спать.

Разбудила меня необычная качка. Торопливо натянув одежду, я поднялся на палубу.

— Что случилось? — спросил я у рулевого.

— Не знаю, капитан. Мы только что остановились.

— Где американский капитан?

— На корме вместе с инженером.

Из люка высунулась голова Мишеля.

Вдруг раздался громкий всплеск, и весь корпус судна вздрогнул. Я услышал звонкое английское ругательство, потом удивленный возглас и крик, страшный крик:

— Все вниз! Вниз!

В то же мгновение Смит сбил меня с ног, и мы оба упали в люк. Уилкинс нырнул вслед за нами. При свете лампы я разглядел белые, искаженные лица американцев. С грохотом заглохнула дверь матросского кубрика. Последовал новый толчок, и «Дерзновенный» накренился на правый борт. Споткнувшись, я больно ударился о переборку.

— Говорите же, что это, черт побери?

Уилкинс, наконец, ответил:

— Гигантские кальмары!

Я похолодел. С самого детства, когда я впервые прочитал «Двадцать тысяч лье под водой», эти животные наводили на меня панический страх.

На подгибающихся ватных ногах мы поднялись по лесенке на закрытый мостик. Сквозь большие иллюминаторы я увидел, что залитая лунным светом палуба пуста. Только на носу за рамой ракетной установки извивалось нечто вроде толстого каната.

Смит рассказал, как все произошло. Когда оба винта сразу застопорили, он с Уилкинсом пошел на корму и нагнулся, чтобы узнать, в чем дело. Прямо на него смотрели огромные, чуть светящиеся глаза. Чудовище взмахнуло щупальцами, и тогда он закричал.

Мы попробовали запустить машину; винты вспенили воду, «Дерзновенный» прополз несколько метров, потом моторы снова заглохли, и последовала новая серия толчков и рывков.

Казалось, эта ночь никогда не кончится. Но только на рас свете мы увидели, как велика опасность. По крайней мере тридцать кальмаров окружили судно со всех сторон. Разумеется, это были не кальмары, хотя с первого взгляда любой мог ошибиться. У них было вытянутое заостренное сзади тело без хвостового плавника. Спереди извивалось шесть огромных щупалец с блестящими коготями, заостренными на концах и чуть расширяющимися в середине, как наконечники пик. У основания щупалец располагалось шесть глаз.

«А что, если просунуть в иллюминатор пулемет с самолета?» — подумал я и крикнул матросам:

— Тащите сюда пулемет и ленты!

Одно чудовище приближалось, пеня воду щупальцами. Вот оно уцепилось за поручень правого борта и оторвало его напроочь.

— Может быть, если нам удастся убить хоть одного, остальные займутся им?

Прозвучал звонок, я подошел к переговорной трубке.

— Капитан, винты освободились.

— Хорошо, будьте наготове. Как только скажу, давайте вперед до полного.

Трое матросов втащили по трапу пулемет. Я приспустил одно стекло, выставил наружу ствол, тщательно прицелился в «кальмара» и дал очередь. Раненое животное буквально выпрыгнуло из воды, потом пошло ко дну. Я уже взял на мушку второго, как вдруг разразилась настоящая буря: десятки гигантских рук замахнулись по палубе, сокрушая все на своем пути. Сорванные поручни летели за борт, щиток носового пулемета был смят, со звоном вылетело стекло, и одно щупальце просунулось в отверстие иллюминатора, сорвав по дороге раму. Чудовищный отстрок яростно извивался. Мишеля швырнуло о стену, мы с Уилкинсом от ужаса не могли шевельнуться, и только Смит сразу пришел в себя. Сорвав с крюка пожарный топорик, он размахнулся широким жестом дровосека и начисто отсек щупальце. Через полуоткрытую дверцу я бросился к радиопередатчику, чтобы успеть послать сигнал бедствия, пока еще целы мачты антенны. «Дерзновенный» раскачивался все сильнее. И тут случилось чудо, которое спасло нам жизнь.

Метрах в двухстах от нас на поверхность высунулась огромная плоская голова и словно раскололась вдоль, открыв прожорливую пасть, усаженную белыми острыми зубами. Одним взмахом она перехватила надвое одного «кальмара» и устремилась к следующему. Рядом вынырнули еще две такие же головы, и между вновь прибывшими и «кальмарами» началась битва, такая свирепая и жестокая, что я до сих пор не знаю, сколько она продолжалась, минуту или целый час!

Так же внезапно море успокоилось: лишь обрывки щупалец и мертвые туши покачивались на волнах.

Мы поняли, что спасены, и на полном ходу пустились на север.

Светлая лунная ночь позволяла идти, не снижая скорости. Утром впереди был замечен остров.

Мы пошли вдоль южного берега. Он был скалистый, крутой и выглядел не очень-то гостеприимно. В глубине тянулась цепь невысоких гор. Добравшись к концу дня до восточного мыса, мы встали на якорь в маленьком заливе.

Взошло красное солнце, осветив унылое плоское побережье, почти лишенное растительности. Когда в небе засиял Гелиос, мы смогли сделать промеры. Выяснилось, что у берега глубина достигает десяти морских саженей*. «Дерзновенный» подошел вплотную, мы легко перекинули помост, и грузовичок съехал на берег. Заменяв ракетную установку более подвижным авиа-

* Морская сажень равняется шести английским футам, или примерно 182 сантиметрам. (Прим. перев.).

ционным пулеметом, мы снарядили в разведку Мишеля, Уилкинса и Джейнса. Не без тревоги осмотрел я вслед ма-

шине, скрывшейся за первым подъемом. Хорошо еще, что на примятой траве остались следы от шин: в случае чего по ним будет нетрудно отыскать товарищей.

Часа через два шум мотора возвестил о возвращении разведчиков. Из кабины выскочил один Мишель.

— Где остальные? — спросил я.

— Остались там.

— Где это «там»?

— Поедем, увидишь. Мы кое-что нашли.

Любопытство мое было разожжено; я передал командование Смигу и сел в машину. Мы ехали по волнистой степи с редкими рощицами. Через час перед нами возникла скала высотой в несколько метров; на ее плоской вершине стоял Джейнс. Мишель остановил грузовичок у самого подножия. Мы сошли, обогнули скалу и с другой стороны увидели грот и вошли в него.

На стенах были выбиты ряды странных значков, удивительно напоминающих санскритский алфавит. Сначала я подумал, что друзья просто решили надо мной подшутить, но неподдельный налет времени на камне быстро убедил меня в обратном. Здесь было сотни три-четыре знаков.

— Что ты об этом думаешь? А ведь это еще не все. Выйдем.

Неподалеку от скалы оказалась небольшая, словно вымершая котловина, на дне которой громоздилась гора металлических листов и скрученных балок, остатки какого-то аппарата.

Я протиснулся в щель между нагромождением обломков. Листы обшивки вдавились в сыпучий песок. Они были из незнакомого мне толстого металла; Уилкинс сказал, что это какой-то алюминиевый сплав.

— Это что за штука? Самолет?

— Может быть. Только наверняка не наш, не земной.

Мы подошли к тому месту, где должна была находиться носовая часть. Спереди повреждения были не столь значительны, и странный аппарат сохранил очертания кончика огромной сигары. В уцелевшей перегородке виднелась дверца без замков. Она легко открылась.

В кабине, имеющей форму усеченного конуса, положенного на бок, я увидел нечто вроде щита управления с такими же знаками, какие были высечены на скале, узкие металлические кресла, порванные медные провода, свисающие с потолка. Я вскрикнул: на рулевом рычаге из белого металла застыла высохшая кисть руки. Она была огромной, черной, все еще мускулистой, несмотря на мумификацию тканей, и только с четырьмя пальцами. У запястья рука была оторвана.

Не стовариваясь, мы склонили головы. Сколько времени она сжимает рычаг последним невероятным усилием? Что за существа управляли этим кораблем?

Мы принялись рыться в обломках. Нашли несколько пустых банок, части каких-то приборов, книгу с алюминиевыми страницами, но, увы, без всяких иллюстраций, да еще молоток вполне земной формы, вот и все. Удивляться скудости наших находок было нечего: судя по надписи на скале, часть экипажа спаслась, и, естественно, они забрали все, что могло иметь хоть какую-то ценность. В кормовой части, где должны были помещаться двигатели, громоздились оплавленные, ржавые глыбы, и среди них, в толстой свинцовой трубе, — кусок тяжелого белого металла. Позднее анализ, произведенный в Нью-Вашингтоне, показал, что это был уран.

Мы сделали фотоснимки и вернулись на корабль. Подробно обследовать остров у нас уже не было времени. Мы назвали его «Остров Тайны» и отплыли к южной оконечности материка.

«Дерзновенный» стал на якорь в бухте, защищенной высокими скалами самых фантастических очертаний. Мы спустили грузовичок и отправились в глубь неведомой страны. В три часа пополудни, когда мы доедали запоздалый завтрак, вдали показалась многочисленная группа всадников. Когда она приблизилась, мы узнали больших красных свисов. Я вспомнил, как Взлик неоднократно говорил мне, что их племя пришло с юга, отделившись от остальных свисов по непонятным причинам. Произошло это не так давно, всего за несколько поколений до нашего «перелета» на Теллус.

Эта встреча нас огорчила: свисы преграждали нам путь к горам, а, зная их воинственный характер, ехать напролом было опасно — дело неминуемо кончилось бы столкновением. Но свисы, по-видимому, нас не заметили; они свернули влево и скрылись за линией горизонта.

Мы ехали всю ночь. И лишь перед рассветом увидели сигнальные ракеты, взлетающие с палубы «Дерзновенного».

ХІІІ. ПОСЛЕДНЯЯ ОПАСНОСТЬ

Спустя несколько дней корабль достиг устья Дордони. Мы отсутствовали целый месяц! Нечего и говорить, как я обрадовался встрече с Мариной. Сколько раз за это путешествие я думал, что уже не увижу ее никогда!

Луи показал мне текст последней радиogramмы из Нью-Вашингтона. Я прочел ее, не веря своим глазам. Суть заключалась в следующем: по непонятным причинам Нью-Вашингтон медленно погружался в океан, и если скорость погружения не замедлится, остров полностью исчезнет под волнами самое большее через полгода. Поэтому правительство посылало нам сигнал бедствия — SOS.

Собрался Совет с участием американцев. Джейнс выступил по-французски:

— В Нью-Вашингтоне есть корабли, самолеты и вертолеты. Но у нас нет ни бензина, ни солянки. Можете ли вы продать нам горячее? Главное — с доставкой на место!

— Ни о какой продаже не может быть речи, — ответил мой дядя. — Помочь вам — наша обязанность. Все дело в транспорте. У нас только одно судно — «Дерзновенный», а он для этой цели слишком мал.

— А «Победитель»? — спросил я. — По-моему, он еще послужит. Кроме того, баржи, только их надо оборудовать для перевозки горячего. Что скажете вы? — обратился я к нашим инженерам.

Этранж подумал, потом сказал:

— На изготовление цистерн и противопожарного оборудования уйдет месяц. Каково расстояние от Порт-Леона до Нью-Вашингтона?

— Примерно четыре с половиной тысячи километров.

Месяц спустя «Дерзновенный» отплыл, ведя на буксире баржу со 145 тысячами литров горячего. Нью-Вашингтон оказался едва возвышающейся над водой равниной с двумя прибрежными холмами, на которых теснились дома. Прибывших встретили залпами из всех орудий. Город, расположенный у самой воды, был украшен флагами. Оркестр крейсера сыграл американский гимн. Под звуки «Марсельезы» маленький «Дерзновенный» проскользнул со своей баржей в порт, провожаемый удивленными взглядами морских офицеров.

Президент Нью-Вашингтона Линкольн Дональдсон торжественно принял Мишеля. Потом французы пригласили его на «Сюркуф»; когда офицеры и моряки узнали, что вскоре смогут увидеть кусочек Франции, радости их не было предела!

Для жителей Нью-Вашингтона настала напряженная пора: чтобы демонтировать и погрузить на суда все, что можно было спасти, люди работали от зари до зари, не покладая рук. Вскоре первый караван отплыл на материк.

Об этом Мишель предупредил меня по радио. В ответ я смог сообщить ему, что мы тем временем договорились со Взликом, который после смерти своего тестя стал главным племенным вождем. Свिसы уступили американцам территорию, по правде говоря принадлежавшую черным свисам, свсвивам, но входящую в охотничьи угодья племени, и часть своих исконных

земель между Дронной и Неведомыми Горами. Кроме того, я выговорил для нас коридор вдоль всей Дордони до самого устья, где мы намеревались построить Западный Порт. Тем временем у подножия гор мы строили для американцев дома по ту сторону Дронны, напротив нашего маленького поста «Хром».

И вот первый караван прибыл. Было решено, что американцы удовлетворятся пока землями красных ссвисов, отложив заселение территории ссвлипов до лучших времен.

Мишель прилетел на самолете незадолго до прихода последнего каравана. Остров почти полностью затонул, но к тому времени в Новой Америке уже вырос город и семь деревень, а на полях созрел и был убран первый урожай. Город Нью-Вашингтон, как его называли шутя американцы, насчитывал пять тысяч жителей.

Население Новой Франции тоже увеличилось за счет шестисот моряков с «Сюркуфа» и шестидесяти аргентинцев, пожелавших жить в «латинской стране». Кроме того, к нам присоединилось человек пятьдесят канадских французов.

А двести пятьдесят норвежцев попросили отвести им часть нашей территории близ устья Дордони. Там они и обосновались, выстроив рыболовный порт.

В действительности никакого строгого разделения не существовало, и смешанные браки были самым обычным делом. К счастью, у американцев оказалось гораздо больше женщин, чем мужчин, и многие наши моряки переженились еще в Старом Нью-Вашингтоне. Женился и Мишель на семнадцатилетней красавице норвежке Инге Юнсет, дочери капитана грузового судна.

Через пять лет мы объединились в Союз Республик Теллуса. Но до этого нам еще пришлось воевать со ссвлипами. И был момент, когда едва не началась война с американцами.

Ссвлипы первыми открыли боевые действия. Однажды вечером сотня их воинов внезапно напала на маленький американский пост. Двум американцам удалось спастись на автомашине. Как только об этом стало известно, в воздух поднялись самолеты, но отыскать убийц не удалось: степи опустели, а непроходимые для глаза леса покрывали слишком обширные пространства. Американцы снарядили легко вооруженную колонну, но понесли большие потери и вернулись ни с чем. Тогда они обратились за помощью к нам и к нашим союзникам ссвисам.

Кампания была трудной, и не обошлось без потерь. Мы углубили во вражескую территорию, перейдя даже будущую границу Новой Америки.

На рассвете к нашему лагерю сразу со всех сторон галопом устремилось более пятидесяти тысяч ссвлипов. Мы поставили все пятьдесят машин, кроме нашего старого бронированного грузовика, в круг, залегли и стали ждать.

Открыли огонь, когда враг был уже в шестистах метрах, и это чуть не стоило нам жизни.

Безумная отвага ссвлипов наводила ужас, а их живучесть казалась просто невероятной. Один из них продолжал мчаться вперед даже после того, как ему оторвало руку вместе с плечом, и свалился замертво в двух шагах от американцев. Это я видел своими глазами.

За первой атакой последовала вторая. Когда ссвипы пошли на приступ в третий раз, подоспели самолеты, но толку от них было мало — все смешалось в невообразимой свалке, и летчики просто не знали, куда стрелять.

Во время третьей атаки Мишель получил стрелу в правую руку, а мне наконечник пробил левую икру; впрочем, оба наши ранения оказались легкими. Как только враги были отброшены, вступили в действие самолеты. Под покровом темноты уцелевшие ссвипы бежали и больше не возвращались.

После этого похода американцы построили цепь фортов вдоль своей границы.

Два следующих года прошли спокойно, в мирном труде. Однако мы с сожалением видели, что американцы все больше и больше замыкаются. К нам они почти никогда не приезжали, если не считать единичных случаев, — прилетит один самолет, и все. Да и мы стали бывать у них только по делу, для обмена сырьем или промышленными изделиями.

Разъединяли нас и обычаи. Они шарахались от нашего вполне умеренного и разумного коллективизма и называли наш Совет диктатурой. Кроме того, у американцев сохранялись глупые предубеждения против «туземцев», которые мы никак не разделяли: более двухсот молодых ссвисов учились во французских школах.

И вот 5 июля 9 года теллусийской эры произошло открытое столкновение.

В этот день десять ссвисов хотели, согласно договору о праве беспрепятственного прохода, пересечь восточную оконечность американской территории, которая в этом месте врезалась в их собственные земли длинными языками. Они направлялись к нашему посту Болье Горному, чтобы обменять дичь на стальные наконечники для стрел. Ссвисы проникли в Америку в виду нашего поста, находившегося на другом берегу в верховьях Дронны, как вдруг их остановили три американца с автоматами и грубо приказали повернуть обратно. Требование было совершенно идиотское, так как до Болье по прямой оставалось метров сто, а до границы в обратном направлении — километров пятнадцать. Глава ссвисов Авитц сказал им по-французски, что он на этот счет думает. Обозленные американцы дали три автоматные очереди, двух ссвисов убили, двух ранили, и среди них Авитца, которого они захватили в плен. Остальные ссвисы под градом пуль пересекли Дронну и сообщили обо всем начальнику поста Пьеру Лефрану.

Чтобы разобраться на месте, Лефран со ссвисами спустился к реке. И горько об этом пожалел. С противоположного берега ударила автоматная очередь, убив еще одного ссвиса и ранив самого Лефрана. Тогда, вне себя от ярости, его друзья ответили десятком ракет, которые подожгли и превратили в развалины ферму на американском берегу.

По счастливой случайности мы с Мишелем проезжали в это время неподалеку. Погрузив Лефрана и раненых ссвисов на грузовик, я погнал машину напрямик в Кобальт-Сити. Немедленно было созвано заседание Совета и после голосования объявлено чрезвычайное положение. Лежа на носилках, Лефран рассказывал о случившемся, ссвисы подтвердили его слова. Мы еще спорили,

не зная, что предпринять, когда пришла радиogramма с поста «Свисский Мост на Везере»: наблюдатели отчетливо слышали грохот боевых барабанов, и по всей территории свисов поднимались дымные столбы сигнальных костров. Каким-то непонятным способом Взлик был уже извещен обо всем и теперь собирал своих воинов.

Зная мстительный и совершенно беспощадный нрав свисов, я прежде всего подумал об изолированных американских фермах, расположенных вдоль границы. Что там будет через несколько часов? Немедленно к Взлику вылетел вертолет с моим письмом, в котором я умолял его подождать один день, а сам вместе с остальными членами Совета бросился на радиостанцию, чтобы связаться с Нью-Вашингтоном.

События между тем нарастали. На станции радист встретил меня с новой радиogramмой в руках: американский эсминец обстреливал Западный Порт. «Дерзновенный» и «Сюркуф» завязали с ним артиллерийскую дуэль.

На всякий случай Совет отдал приказ о всеобщей мобилизации. Самолеты с полными баками и боекомплектom были готовы взлететь по первому сигналу.

Установив связь, мы обратились по радио к американскому правительству с просьбой приостановить военные действия и начать переговоры. Американцы согласились, обстрел нашего порта прекратился. Кстати, эсминец рад был убраться восвояси, потому что радиоуправляемая ракета с «Сюркуфа» разворотила ему всю носовую часть.

Мишель, мой дядя и я, не теряя времени, сели на самолет и через полчаса были уже в Нью-Вашингтоне. Переговоры начались бурно. Американцы вели себя так заносчиво, что Мишель вынужден был им напомнить, что без нас они давно бы уже были съедены морскими чудовищами или умерли от голода на своих лишенных горячего кораблях. В конце концов была создана комиссия для расследования, в которую вошли Джейнс, Смит, мой дядя, я и брат Взлика — Исци. Оба американца проявили достаточно благородства и признали вину своих соотечественников, которые были приговорены к десяти годам заключения каждый. Свисы в виде компенсации получили десять тысяч стальных наконечников для стрел.

Любопытно отметить, что после этой стычки, едва не кончившейся трагически, отношения между нами сразу улучшились. К концу 10 года они стали настолько дружественными, что появилась реальная возможность объединения в Союз Свободных Республик Теллуса.

7 января 11 года собралась конференция представителей американцев, канадцев, аргентинцев, норвежцев и французов. Была выработана и принята федеральная конституция. Она предоставляла каждой республике широкую автономию, но предусматривала одно общее правительство, резиденцией которого стал новый город Союз, выстроенный при слиянии Дордони с Дронной, как раз в том месте, где когда-то мы убили первого тигрозавра. Окружающая территория площадью в двести квадратных километров была объявлена федеральной землей.

Самым сложным оказался вопрос об охотничьих угодьях свисов. Тут американцы показали всю свою несговорчивость.

В конце концов был принят закон о неприкосновенности земель наших союзников, а также других племен, которые примкнули к нам в течение ближайших ста лет. Все будущие поселения, основанные на новых территориях, будут считаться федеральными землями, пока их население не достигнет пятидесяти тысяч человек; после этого они переходят в разряд Свободных Республик с правом установления своих собственных законов.

25 августа 12 года состоялось первое заседание федерального парламента, на котором мой дядя был избран первым президентом Союза Свободных Республик Теллуса. Впервые развернулось наше государственное знамя — ярко-синее полотнище с пятью белыми звездами, по числу республик Нью-Америки, Новой Франции, Аргентины, Теллусийской Канады и Норвегии. Два языка были объявлены государственными — английский и французский.

Я не стану входить в подробности принятых тогда законов — они действуют до сих пор, и вы их прекрасно знаете. Скажу только, что армия, флот, авиация и производство оружия были целиком переданы в ведение федерального правительства. Заглядывая далеко вперед, ему передали также атомную энергию, ибо настанет день, когда мы и на Теллусе овладеем этой мощной силой.

XIV. НАЧЕРТАННЫЙ ПУТЬ

С тех пор прошло пятьдесят с лишним лет. Да, Теллус крутится, не зная усталости!

Все семь лет, пока президентом был мой дядя, ушли на организационные работы. Мы расширяли железнодорожную сеть, скорее для потомков, чем для себя, потому что наше население не превосходило двадцати пяти тысяч. Впрочем, оно росло быстро. Природные запасы были не исчерпаны, поля давали богатейшие урожаи, и семьи становились все многочисленнее. У меня одиннадцать детей, и все они живы; у Мишеля — восемь. Средняя семья в первом поколении состояла из шести человек, а во втором — уже из семи. Одновременно мы отметили поразительное увеличение среднего человеческого роста. На нашей старушке Земле, согласно статистике, средним считался рост в 165 сантиметров. На Теллусе эта цифра поднялась до 182.

При следующих президентах, американце Кроуфорде и норвежке Хансене, главные усилия были направлены на развитие промышленности. Мы построили авиационный завод.

Одновременно мы продолжали исследование планеты. Остаток своей жизни я провел в бесконечных экспедициях и составлении геологических и топографических карт, иногда один, иногда с моими американскими коллегами, а потом со своими тремя старшими сыновьями — Бернаром, Мартином и Жаком.

Двадцать лет спустя мы с Мишелем еще раз посетили Остров Тайны. Там все осталось по-прежнему. Только песок еще больше занес обломки странного аппарата. Мы снова вошли в кабину, где высохшая черная рука все еще сжимала рычаг управления,

и увидели на полу свои собственные следы, сохранившиеся в закрытом помещении.

На обратном пути мы посетили Город Башен. Теперь с нами был сын Взлика, Ссису, и с его помощью нам удалось вступить в переговоры со свсисами, знающими сталь. Их вождь показал нам примитивные домны, где ее выплавляли, и после долгих расспросов рассказал нам легенду.

Пятьсот с лишним теллусийских лет назад к песчаной отмели южнее теперешнего поселения свсисов пристала «лодка, которая шла по воде сама». Из нее вышли три странных существа. Когда свсисы хотели их захватить, они рассеяли нападающих, «метая пламя». «Не короткие стрелы, которые делают «бум», как у вас, — уточнил вождь, — а голубое длинное пламя!»

Через несколько дней свсисы застигли их ночью врасплох и захватили в плен. Из-за этих существ в племени поднялся яростный спор, который кончился тем, что половина красных свсисов неизвестно по какому поводу откололась и ушла на север. Это и были предки Взлика.

Пришельцы выучили язык свсисов и научили их плавить металл. Дважды они спасали наполовину ослабленное племя от нападений сслюпов, «метая синее пламя». Казалось, они все время чего-то ждут с неба. Потом пришельцы умерли один за другим. Перед смертью они написали большую книгу, которая, как реликвия, хранится вместе с другими их вещами в священной пещере.

Я попросил описать пришельцев. Вождь не смог этого сделать, но зато повел нас в священную пещеру. Там еле живой от старости свсис показал нам настенные фрески: на них были изображены три черные фигуры с двумя ногами, головой и телом, похожим на человеческое, но с очень длинными руками, свисающими до земли. Если изображенные рядом свсисы были взяты в правильных пропорциях, рост этих существ должен был достигать, по моим расчетам, двух с половиной метров.

Мы попросили показать нам их вещи: три книги с металлическими страницами, похожие на ту, что мы нашли на Острове Тайны, несколько довольно простых инструментов и остатки оружия, которое «метало пламя». Это оказались три трубки длиной в семьдесят сантиметров, расширившиеся на концах и выложенные изнутри платиновыми чешуйками. Обрывки проводов на другом конце должны были соединять трубки с исчезнувшей частью. По-видимому, пришельцы не пожелали оставить полудиким свсисам свое слишком мощное оружие.

Последней мы увидели книгу, написанную на пергаменте. Примерно пятьсот листов были испещрены такими же значками, как в металлических книгах. Я горько посетовал, что вряд ли кто-нибудь сможет их разобрать, но тут старый свсис заявил, будто эта книга написана на их языке и он умеет ее читать. После долгих уговоров свсис взял книгу, может быть даже вверх ногами, и начал говорить нараспев:

— Тилир, Тилир! Тем, кто придет слишком поздно, привет! Мы надеялись до последнего часа. Теперь двое уже мертвы. Мы уже никогда не увидим Тилир. Будьте добры к свсисам, они приняли нас хорошо...

Он умолк.

— Дальше я не могу читать, — прибавил старый сввис после долгой паузы.

Мне удалось от него узнать, что первые выученные наизусть строки книги передаются от жреца к жрецу вот уже много поколений, и это слово «Тилир» должно послужить как бы паролем, если соотечественники пришельцев снова высадятся на Теллус. Он открыл мне также, что книга была двойной: первая ее половина написана на языке сввисов, а вторая — на языке пришельцев. Как бы то ни было, это давало бесценный ключ к расшифровке, и я тщательно скопировал всю книгу.

Сколько раз потом я задумывался, склоняясь над почерневшими от времени страницами с затейливыми значками! Сколько раз я забрасывал повседневные дела, чтобы с помощью Взлика приступить к переводу! Но в конечном счете мне никогда не хватало времени. С трудом разобрал отдельные фразы, я лишь разжег свое любопытство, так ничего толком и не узнав.

В книге шла речь о Тилире, о чудовищах, о катастрофах, о ледяном холоде и страхе. Теперь она хранится в городе Союзе, где мой внук Анри и внук Взлика, сввис Хои, пытаются ее расшифровать. Существа, которые написали эту книгу, прилетели скорее всего с ближайшей от нас внешней планеты, названной

нами Арес, по аналогии с Марсом старой солнечной системы. Может быть, я еще доживу до того дня, когда эта тайна будет разгадана нашими внуками. Но пусть они поторопятся!

Внуки мои! Мы начертали путь, по которому вам предстоит идти. Осталось еще много нерешенных проблем, хотя мы сделали все, что могли. И две самые главные.

Первая из них — проблема сосуществования на одной планете двух пород разумных существ. Тут может быть лишь три выхода: уничтожение людей — это самое страшное; уничтожение сввисов — этого мы никоим образом не хотим, и, наконец, самое разумное — признание за сввисами полного равенства и включение их в Союз Свободных Республик Теллуса. Американцы пока противятся этому, но мы надеемся, что и они поумнеют. Сввисы такие же разумные существа, как мы, а кое в чем они даже нас превосходят. Взять хотя бы математический трактат Хои — лишь немногие из людей способны в нем разобраться!

И вторая проблема — проблема сосуществования двух разумных рас на планетах одной солнечной системы, если только пришельцы с Острова Тайны действительно прилетели с Ареса...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Роман Ф. Карсака, которого «Юманите» считает преемником известного французского писателя-фантаста Жюль Верна, показывает человеческое общество, очутившееся на другой планете. По фантазии автора небольшой клочок Франции и частица территории Соединенных Штатов оказались перенесенными на планету неведомой звездной системы. Не надо искать физических объяснений такого неожиданного перемещения в пространстве — это просто литературный прием, который понадобился автору, чтобы показать, как обитатели этих клочков Земли, люди различного социального положения и взглядов, очутившиеся в положении робинзонов космоса, строят свою совместную жизнь.

Фашиствующие молодчики из замка Хоннегров пытаются захватить власть и установить диктаторский режим, пустив в ход оружие, припасенное ими для иных, земных, но тоже грязных целей. И первое, что вынуждено предпринять складывающееся общество людей, — это пресечь покушения на свою свободу.

Затем предстоит налаживать хозяйство. Оно должно быть общим. Не могут быть в создавшихся условиях средства производства в частных руках. Неизбежно вытекает и следующий вывод: все должны трудиться.

Так шаг за шагом логикой самих событий робинзоны космоса убеждаются, что, только объединенные общностью задач, все вместе, трудясь в интересах всего общества, они могут наиболее эффективно преодолевать трудности и опасности, которые подстерегают их на каждом шагу, и наилучшим образом организовать свою жизнь.

В этом духе принимаются первые законы, устанавливается и совершенствуется конституция будущего Союза Свободных Республик Теллуса.

ХV. ЭПИЛОГ

Вот и все. Мой рассказ окончен, и я только что сжег черновики. Соль уже закатился, в небе сияет Гелиос. Из окна своего дома, расположенного на окраине Кобальт-Сити, я вижу поля, где колышется еще зеленая пшеница. Мой правнук Жан вернулся из школы. Пролетел самолет, и снова все тихо. Ссвисы на улицах разговаривают по-французски с горожанами. В кобальт-Сити теперь двадцать пять тысяч жителей. Из моей комнаты видна обсерватория на вершине горы Мон-Париж; там моему дяде выпало счастье провести изучение Ареса с помощью большого телескопа, который мы все-таки перевезли сюда. Вот под окнами прошла внучка Мишеля, Мартина, до боли, до слез похожая на мою Мартину, но только эта — блондинка. У нее с моим внуком Клодом... Впрочем, не мне говорить о будущем. Будущее принадлежит вам, граждане Союза Свободных Республик Теллуса...

Перевод с французского Ф. Мендельсона

В романе нет недостатка в приключениях. Люди сталкиваются с невиданными чудовищами, борются с ними, побеждают их. При всем своеобразии животного и растительного мира Теллуса биология его подчиняется тем же закономерностям, что и у земных организмов. Это придает рисуемому автором миру природы черты достоверности.

Встречают люди на Теллусе и разумных существ. Фантазия автора придала им облик мифических кентавров. Возможно, эта внешняя непохожесть на людей Земли избрана писателем умышленно, чтобы острее показать расовые предрассудки некоторых земных переселенцев из Нью-Вашингтона и осудить их. Стоящие примерно на уровне каменного века, ссвисы обладают многими чисто человеческими качествами.

Враждебность одного племени ссвисов к другим, начальные столкновения пришельцев и коренных обитателей планеты, возникшие распри «европейцев» и «американцев» завершаются в конце концов установлением общего мира.

Автор последовательно подводит читателя к ясному и убедительному выводу: сосуществование на одной планете разумных существ, на каких бы ступенях развития они ни находились и каким бы внешним обликом ни отличались, возможно только при условии мира и признания за всеми полного равенства.

В этом пафос романа. И это делает произведение, где много фантазии, а действие происходит на вымышленной планете, весьма современным с чисто земной точки зрения.

Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье — идеалы, за которые борются миллионы людей на Земле.

Борются в реальной, существующей обстановке, с настоящими трудностями и одержат действительную и полную победу.

Роман Ф. Карсака является как бы маленьким вкладом в эту великую борьбу народов земного шара.